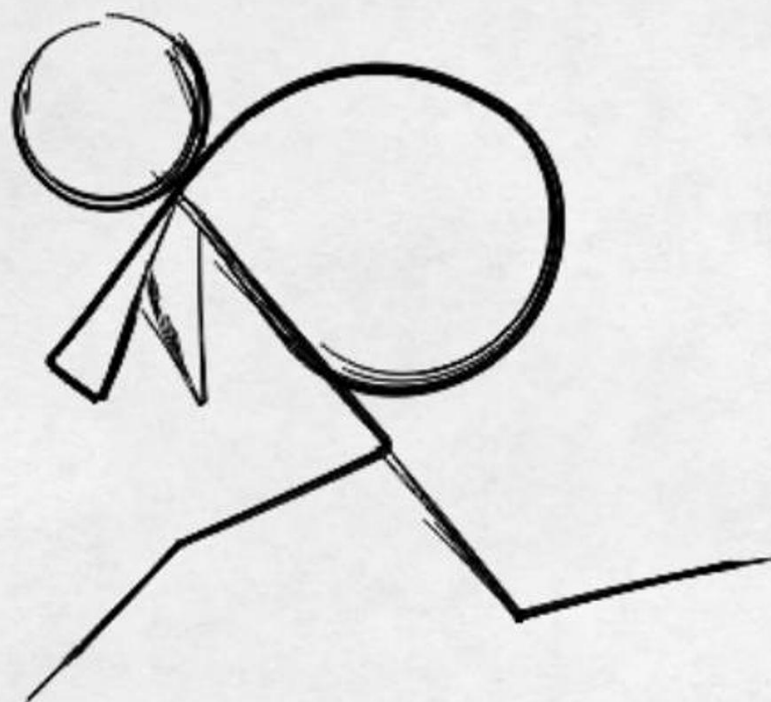

Пилип Липень

**Ограбление
по-беларуски**

Пилип Липень

Ограбление по-беларуски

«Автор»

2026

Липень П.

Ограбление по-беларуски / П. Липень — «Автор», 2026

В романе: будни лихих белорусских парней и двойное ограбление банка, самопальные анекдоты и мистические прозрения, торговля оружием и эксперименты над старушками, крах образовательной системы и тюремные истории, любовные похождения и кругосветные путешествия, налёт на роддом и постижение Последнего Смысла.

© Липень П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Ограбление	5
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ограбление по-беларуски

Часть 1. Ограбление

Глава 1. Кто такой Лявон

Если бы Лявона понадобилось описать одним словом, то это слово – мечтатель. Но поскольку никаких ограничений в словах и даже страницах нету, можно рассказать о нём поподробнее. В ту пору, когда мы познакомились, я работал наладчиком на одной из минских телефонных станций, а Лявона, студента, прислали ко мне на практику. Хотя мы общались и не слишком много, за эти две недели я успел его как следует рассмотреть. Среднего роста и сложения юноша с тёмно-русыми, слегка волнистыми волосами, коротко остриженными и торчащими ёжиком на затылке, серо-голубыми глазами и мягкими чертами, ещё помнящими детство. С губ его не сходила блуждающая полуулыбка, а если ему приходилось разговаривать с вами лицом к лицу, то он немного поворачивал голову и смотрел в глаза искоса, избегая взгляда в упор.

Одевался Лявон по-своему ярко: светлая, часто белая рубашка с коротким рукавом контрастировала с неизменными чёрными брюками и чёрными туфлями. Рубашка заправлялась в брюки, складки сгонялись за спину, туго затягивался строгий кожаный ремень. Брюки еле заметно лоснились – на отутюженных стрелочках, на заду и сбоку, на кармане, где Лявон хранил ключи от квартиры. Мягкие туфли с круглыми носами были густо нагутащены, но блестя не всегда – Лявон, хоть и носил с собой карманную щётку, часто забывал о ней.

Самым необычным в его внешности были жесты и походка – замедленные и томные, они напоминали движения водолазов, преодолевающих сопротивление водных толщ. Ясный взгляд Лявона двигался ещё медленнее, подолгу останавливаясь на предметах, стенах или областях поверх горизонта. Несмотря на такую странность, речь Лявона приятно удивляла связностью и рассудительностью, а голос – внятностью. Когда ему приходилось рассказывать о себе, например новому знакомому, Лявон опускал на него глаза и негромко, неспешно говорил, что учится в университете, живёт у своей тёти на Жудро, любит музыку и чтение. Знакомого это вполне устраивало, он интересовался, какую именно музыку любит Лявон, читал ли он такое, по нраву ли ему это, ну и так далее, как это обычно у молодых людей происходит. Но вообще приятелей у Лявона водилось не слишком много, к общению он не стремился и часто даже избегал его. Сверстники тоже зачастую сторонились его – он казался им чужаком из-за своей медлительности, задумчивости и привычки удаляться вниманием от собеседника в окно, к деревьям, далёким домам и небесам.

Жизнь Лявона складывалась из трёх основных составляющих: мечтаний, размышлений и неба. Лявон мечтал всегда и везде – по утрам в постели, по дороге в университет, на лекциях, на перерывах, все вечера и все выходные напролёт. Особенно хорошо ему мечталось глядя на небо. На улице это приводило к спотыканиям и опозданиям, а в помещении Лявон притягивался как магнитом к любому окну. В открытое окно он высовывался, опираясь локтями на подоконник, а к закрытому приближал лицо так близко, что от дыхания на стекле появлялось влажное пятно. Мечты были смутные и неопределённые, о бескрайнем будущем, о светлых свершениях. Иногда он видел себя в просторном математическом кабинете, с мимолётной улыбкой решающим важные научные задачи, иногда – на залитой солнцем набережной, широким жестом указывающим кому-то, в каком месте нужно заложить новый жилой массив.

Порой грёзы покидали будущее, приближались к настоящему и принимали форму прекрасных девушек, которые могли бы ему встретиться на улице или в коридорах универси-

тета. Их силуэты и профили, ускользающие, полупрозрачные, одновременно будоражили его и приводили в состояние приятной грусти. А изредка мечты стужались до спортивного велосипеда, и Лявон катил на нём по прохладным, росистым утренним шоссе. Мимо проплывали лёгкие летние рощи, сверху его сопровождали огромные и дружелюбные облака. Устав крутить педали, Лявон элегантно притормаживал рядом с хутором, услужливо оказавшимся на развилке дороги. Облака останавливались. Из сеней взволнованно выходила прекрасная хуторянка. Вспыхнув и потупившись, она давала ему напиток из ковшика. Лявон доставал мобильный телефон – ещё одна слабая материальная мечта – записывал её номер и тут же трогался дальше, не желая замутнять идеал банальным разговором.

Изредка Лявону случалось смотреть в окно вместе с кем-то ещё, и тогда он с одного взгляда безошибочно определял степень душевного родства с этим человеком: если тот опускал глаза вниз, к улице и проходим, то надолго получал низкую оценку. К людям, смотрящим на облака вместе с ним, Лявон чувствовал расположение, но и здесь были свои тонкости. Если человек начинал придумывать, на что похоже то или иное облако, Лявон морщился. Небо – прекрасно само по себе, в его плавном величественном изменении, и сравнения облаков с предметами принижали небеса и свидетельствовали о слишком практическом складе ума. Поскольку практиками оказывались решительно все, Лявон с некоторого времени предпочитал созерцать облака в одиночку, чтобы лишний раз не разочаровываться в знакомых. Однажды он подумал, что и прекрасная хуторянка, скорее всего, стала бы радоваться похожести облаков на львов, китов или человеческие головы, а то и похуже – могла бы опустить взгляд, зевнуть в узкую ладошку и сказать, что ей скучно и хочется на танцы. Своей силы её образ от этого ничуть не утратил, и даже наоборот, но с тех пор он проезжал мимо её дома только после заката, когда небо уже погасало.

* * *

Поздние вечера Лявон обычно проводил в своей комнате, на некоторое время отрываясь от мечтаний, чтобы полистать журналы и послушать магнитофон. Магнитофон был частью музцентра, старого, но очень хорошего, судя по количеству кнопок, рукояток и лампочек на его передней панели. Чтобы поставить кассету, нужно было нажать на определённое место панели, и тогда часть её медленно откидывалась, открывая взгляду пахнущие тёплой пластмассой электронные внутренности. Он вставлял кассету очень внимательно, прислушиваясь к особым нежно-шероховатым ощущениям на кончиках пальцев, когда пластмасса кассеты скользила по пластмассе магнитофонного зева. Зев закрывался с мягким щелчком, приходили в движение тихие моторчики, и Лявон представлял, как музыка начинает вытекать из магнитофона по проводам. Провода от музцентра тянулись к серым динамикам, на каждом из которых был изображён зазубренный график воспроизводимых частот. График внушал Лявону большое уважение, он считал, что создатели динамиков и магнитофона, отдавшие столько сил на их изобретение и обдумывание, просто не могли не достичь совершенства. Отчасти поэтому он довольствовался кассетами и никогда не мечтал о компакт-дисках.

Кассеты для магнитофона хранились на верхней полке книжного шкафа, застеклённый центр которого был уставлен старыми книжками незнакомых Лявону авторов. Несколько раз он брал наугад одну из них и раскрывал. По сухому запаху, чистоте и спрессованности страниц было видно, что до него этого не делал никто. Речь в книгах почему-то шла каждый раз о князьях и о военных действиях. Лявон даже задумался однажды, не достаёт ли он всегда один и тот же том? Однако вспомнить, какого цвета обложка попала ему прошлый раз, не получалось. Названия этих книг тоже мгновенно улетучивались из головы. Но в любом случае, мысль о чтении литературы про князей вызывала у Лявона недоумение, история не интересовала его. Под книгами, в самом низу шкафа, располагалось отделение с дверцами, заполненное его любимыми журналами: «Наука и жизнь», «Популярная механика», «Наука и религия». Лявон вытаскивал случайный журнал и ложился на кровать. Больше всего ему нравились рас-

сказы о необычных изобретениях. Например, статья с картинками о принципиально новом водопроводном кране, разработанном немецким инженером, доставляла Лявону большое удовольствие. Он улыбался, опускал голову на руку и думал, как хорошо было бы оборудовать все дома этим передовым краном. И засыпал.

Просыпался через несколько часов, с затёкшей рукой и шеей. Магнитофон давно молчал. Лявон переворачивался на спину и терпеливо ожидал, когда неприятные ощущения пройдут. Пытаясь припомнить, что ему снилось, он подолгу оставлял взгляд лежать на разных точках комнаты и предметах. Например, на лампе под потолком. Когда горел свет, в плафоне различались три сухие мухи. В один из вечеров внимание Лявона более подробно остановилось на мухах. «Последний раз я мыл лампу около полугода назад», – поразмыслив, вспомнил Лявон. Он произвёл в уме примерные вычисления и вывел, что плафон вмещает тридцать шесть тысяч мух и может заполниться целиком через шесть тысяч лет. Эта мысль привела его в волнение. «Значит, к концу моей жизни в плафоне окажется всего лишь около двухсот мух». Лявон встал и заходил по комнате. «Зависит ли количество попавших в плафон мух от длительности горения света? Они же должны лететь на свет», – пришла ему в голову ещё одна мысль. Тут он словил себя на том, что думает о полной чепухе. Лявон поставил другую кассету, сделал звук погромче и пошёл на кухню за апельсиновым соком.

Раньше он пил разные соки, но кто-то из знакомых сказал ему, что апельсиновый сок намного полезнее всех прочих, вместе взятых. Сказано это было таким уверенным в себе и в соке тоном, что слова запали Лявону в душу, и он полностью перешёл на апельсиновый, благо его можно было найти в любом магазине. А вскоре в одном из журналов ему попала статья, в которой рекомендовалось согреть сок, чтобы он лучше усваивался организмом. С тех пор Лявон старался обязательно подогреть его: если дома, то в кастрюльке, если на улице, то под солнцем или хотя бы в руках. Выпивал он около литра в день, стакан вечером, стакан утром и остальное в течение дня. Иногда днём хотелось пить так сильно, что приходилось заходить в магазин за дополнительным маленьким пакетом с трубочкой. Любимым стаканом сока был вечерний; сам стакан, употреблявшийся для этой цели, избранный Лявоном раз и навсегда, отличался от прочих обычных: высокий, немного расширяющийся кверху, из прозрачного стекла, с вытисненным рисунком винограда и виноградных листьев. Пить вечерний сок полагалось сидя в кресле, медленно, внимательно, сосредотачиваясь на мелких апельсиновых волокнах на кончике языка. Примерно в это время кассета заканчивалась, и Лявон переворачивал её на другую сторону. Мысли его направлялись к хуторянке. Велосипед теперь не требовался, весь путь до её дома мелькал смутной тенью. И вот они уже стоят рядом на пороге, и она смотрит на него тёмными глазами. Лявон расстилал кровать, ложился под тяжёлое одеяло и мягко тёрся щекою о прохладную подушку, представляя, что это её плечо. От этого вверху живота, в солнечном сплетении, начинало сладко тянуть, как бывает, когда высоко взлетаешь на качелях, но только без страха упасть. Потом он засыпал.

* * *

По утрам Лявон был холоден и горько насмешлив. Начинался период размышлений. «Как это унижительно, – думал он например, – что выводящие пути в организме человека объединены с органами воспроизведения и удовольствия». Спускаясь по лестнице, он с неприязнью пытался представить, чем могло руководствоваться божество, создавая такую бессмыслицу. Издевательство сильного над слабым? Насмешка над беспомощным? Неудачные эксперименты? «Будь я Богом, я бы ничем не омрачал функцию размножения. Стоит только разнести подальше пищеварительный тракт и половые органы, как сразу всё изменится. Никаких нечистот, никаких неприятных запахов, никакого стыда, никакого унижения. Кстати, теперешнее устройство организма можно считать лучшим доказательством существования Бога. Эволюция не могла создать такое вопиющее противоречие». Лявон мрачно смотрел на облака, подозре-

вая их в соучастии. Или, может, они такие же несчастливые создания, как и люди? Он доставал пакет сока из сумки и делал на ходу глоток.

К университету вело несколько путей, примерно одинаковых по длине, но Лявон их не любил. Он предпочитал не самый близкий, но проходящий по берегу Комсомольского озера, сквозь аллеи со старыми высокими деревьями. Там гуляли с собаками и грелись на скамейках немногочисленные жители близлежащих домов, в основном седые дедушки с термосами. Лявон любил игру проходящих сквозь листья лучей – солнечные зайчики покачивались под ногами, на стволах, на скамейках, на дедушках. Саркастичность Лявона понемногу выветривалась тёплым ветром, он благосклонно смотрел на дедушек и гадал, что у них в термосах.

Приметив свободную скамейку, он сел и давал отдохнуть ногам, наполовину высунув их из туфель. Спинки у скамей были удобные, высокие, на них можно было откинуться и комфортно передохнуть, посматривая на людей, на собак. Глядя на человека, Лявон часто представлял находящийся внутри него скелет, и развлекался, мысленно удаляя поверхностную мякоть и оставляя лишь сухие белые кости. При небольшой тренировке это мысленное упражнение не составляло труда, а после того, как он специально проштудировал строение скелета по энциклопедии, стало получаться безо всякого напряжения и приносило неизменное удовольствие. Особенно нравилось Лявону разглядывать строение того или иного носа, определяя место, где кончается треугольный выступ черепа и начинается бескостная перегородка, определяющая форму его кончика.

Собаки тоже зачастую привлекали внимание Лявона. Он очень плохо разбирался в породах и не знал почти ни одного названия, но некоторых местных собак помнил в лицо лучше, чем их хозяев. Например, гнусного бульдога с устало-умным взглядом; крупную белую пушистую с хвостом колечком, которую хотелось обнять; крохотную коричневую с висющими ушами, готовую облаять тонким голоском при малейшем движении; мощную старую овчарку с тяжёлой походкой.

Насмотревшись на гуляющих, Лявон закрывал глаза и летел к хуторянке. Теперь он видел, как она играет с большой собакой, зарываясь пальцами в густую чёрную шерсть, смеясь и шутиливо отталкивая её. А собака пыталась стать ей передними лапами на грудь, громко и часто дыша раскрытой пастью, как бы смеясь вместе с хозяйкой. Она наклоняла голову к собаке, и её волосы, собранные в толстый хвостик, падали на шерсть. Некоторое время назад Лявон ещё колебался между русым и чёрным цветом её волос, но в какой-то момент окончательно понял, что они могут быть только чёрными. И что они отливают на солнце древесно-коричневым. Или синим? Лявон задрёмывал.

Поспав с полчаса, он возобновлял путь, промочив горло соком. От хорошего настроения и хорошего самочувствия внутри начинала расти энергия, заставляла ускорять шаг и пинать ногой камушки. Поближе к концу аллеи, по правой стороне, стоял непонятного назначения синий ящик на двойной белой ножке, вкопанной в землю. Однажды пасмурным днём, когда аллея была совсем пустынна, Лявон, поддавшись порыву, достал из сумки фломастер и написал сбоку на ящике слово «геморрой». Из-за опасений, что крупные буквы получатся неровными и потому смешными, надпись вышла малодушно маленькой. Оглянувшись по сторонам и отойдя на несколько шагов, он понял, что слово почти незаметно с аллеи, и следовало бы его переписать. Но порыв уже выдохся, и Лявон спрятал фломастер. Теперь, каждый раз проходя мимо ящика, он со смесью удовлетворения и недовольства несовершенством отмечал свою надпись. Почему геморрой? Это было первое, что тогда пришло ему на ум. Источником геморроя, конечно, был его отец, часто говоривший это слово.

* * *

Родители Лявона и его младший брат жили в небольшом посёлке в Гомельской области. Лявон уже давно там не бывал, и совсем этому не огорчался. Все воспоминания о доме были окрашены раздражением на отца, из-за его грубости, неопрятности и безделья. Если

отцу что-то казалось сложным или неприятным, отец морщился и говорил «какой геморрой», «зачем мне этот геморрой». Вечным геморроем была протекающая крыша, подгнившее крыльцо, накренившийся забор и четырнадцатилетний Микола, классический двоечник и хулиган с такими атрибутами, как сидение по два года в одном классе, курение, драки, истерики учительницы и приводы в милицию. Но в целом отцу удавалось успешно избегать всех геморроев, и жизнь текла в привычном русле. Придя с работы, отец снимал тёмно-синие брюки, чтобы не помялись, в трусах шёл на кухню и начинал есть прямо из холодильника. Утолив первый голод, он прохаживался по дому, напевая под нос какую-нибудь мелодию и почёсывая ноги. Мелодии, надо отдать отцу должное, были всегда веселы и жизнеутверждающи. Когда Лявон ещё учился в школе, ко времени возвращения отца с работы он уже успевал сделать уроки и лежал на кровати в полудрёме. Он слышал, как отец приближался к его комнате, и внутренне готовился к традиционным расспросам, всегда одинаковым. Дверь открывалась, и около минуты ничего не происходило. Лявон не смотрел в ту сторону, но знал, что отец стоит, прислонившись к косяку, потирая и поглаживая ноги. Наконец он возобновлял свой напев и приближался к столу. «Ну что, двоечник?» – притом, что двоечником Лявон никогда не был. Лявон ничего не говорил, только поводил головой в знак ответа. «Давай сюда дневник». Лявон вставал, рылся в портфеле и протягивал дневник. Отец любил листать его с самого начала и перечитывать замечания, которые изредка писали учительницы. «Смотрел в окно на уроке, ха-ха! Что это ты там увидел, а?» Если сегодня или завтра был урок пения, то отец обязательно интересовался, что проходили и что задали. Ещё он любил заглянуть на последнюю страницу, где были проставлены оценки за четверти, проанализировать склонности Лявона к наукам и обрисовать его будущее. Лучше всего Лявону давалась математика, к которой отец относился скептически. «Математика хороша в дополнение к чему-нибудь. А сама по себе она немного стоит. Хочешь быть школьным учителем, что ли?»

Лявон отмалчивался, потому что не знал, кем он хочет быть. Ему нравилось гулять по лесу, собирать грибы, смотреть на костёр, купаться. Лесником? Читать книжки тоже нравилось. Библиотекарем? Отец хотел, чтобы Лявон пошёл учиться в медицинский институт и стал врачом. Лявон врачом становиться не хотел. Он один раз лежал в районной больнице с аппендицитом, и ему не понравилось абсолютно всё. Доктор был сердитый, строгий, прокуренный, и однажды неуместно сильно отругал Лявона за незакрытую дверь в палату. Кормили совсем пресной пищей, а соль в солонках была отвратительно слипшейся. Сетка в кровати неудобно провисала. Соседи громко храпели и все были преклонного возраста. Сиденья унитазов были в моче. Конечно, всё это имело только косвенное отношение к медицине, но Лявон твёрдо решил не быть доктором. Тогда он ещё не осмеливался открыто возражать отцу и только смотрел безучастно в сторону. Отец ничуть не обижался на его молчание, воспринимая его как послушание, выходил и двигался дальше, к комнате Миколы. Микола обычно пропадал у кого-то из друзей, и отец с чувством выполненного долга шёл снова на кухню. Там его ждала бутылка водки в холодильнике и радиоприёмник на подоконнике. Он закусывал яблоком первые пятьдесят граммов и принимался за поиски радиопередач.

Больше всего ему нравились песни или романсы, особенно под гитару. Хотя радиостанций, передающих песни под гитару, было немного, и отец мог бы записать или запомнить их частоты, он этого не делал. Ему нравилось каждый раз заново блуждать по волнам эфира, снова и снова радуясь случайному попаданию на любимые станции. Возможно, думал Лявон, шипение и переливы, извлекаемые отцом из приёмника, представляются ему игрой ветра в парусах, шумом волн, а сам он, стоя на капитанском мостике в белоснежном кителе и фуражке, шурясь от солнца и брызг, вглядывается вперёд, в горизонт. В детские годы Лявон ещё не испытывал столь сильного раздражения к отцу, которое развилось позже; в те времена он почти всегда выходил на кухню и садился рядом. Отец оборачивался к нему и спрашивал, не хочет ли Лявон яичницу. Потом продолжал странствия по станциям. Иногда Лявон просил его остано-

виться и дать ему послушать ту или иную песню. Отец настраивался поточнее, чтобы шума было меньше. Вставал, закуривал и громко отрывивал. Отец где-то прочёл, что отрывивать – традиционная немецкая привычка и что ничего плохого и стыдного в ней нет. Ему казалось, что это всех даже забавляет и развлекает. Но Лявон питал отвращение к этой гадости уже тогда. Настроив приёмник, отец принимался готовить яичницу и неспешно съедал её, в процессе выпивая ещё несколько рюмок. В особо проникновенных музыкальных моментах он дирижировал вилкой, наведя на Лявона многозначительно-пьяный взгляд.

* * *

«Как всё-таки поразительно это, – думал Лявон, минуя синий ящик. – Прошло столько лет, я уже взрослый человек, самостоятельно и здраво мыслящий, а детство по-прежнему крепко держит меня. Интересно, у всех ли так? Или это только я чрезмерно впечатлительный?» Он пытался понять, не вредит ли всё это его мужественности, по крайней мере, в глазах хуторянки. А порой что-то заставляло его придумывать нелепые сцены, в которых он выглядел смешно и жалко. Например, как его отец отрывивает в присутствии хуторянки. Лявон ёжился от стыда и терялся, не зная, как себя вести. Хоть подобные мысли посещали его и нечасто, но на краю сознания потом ещё довольно долго оставался мутный осадок.

По пути из университета Лявон делал небольшой крюк и заходил в продуктовый отдел на первом этаже ЦУМа, чтобы пополнить запасы апельсинового сока. Продавцы в отделе, всегда одни и те же, уже давно запомнили его и готовы были улыбаться и здороваться, но Лявон делал вид, что он здесь в первый раз и никого не знает. Продавцы тогда тоже серьёзнили, отводили взоры и возобновляли беседу друг с другом. Лявон никогда не задумывался, почему он чурается этих милых и доброжелательных людей. Наверное, в глубине души он боялся, что начав здороваться и сблизившись с ними, он откроет какую-то тайну о себе и станет им подвластен. Соки стояли в глубине отдела, за молочными продуктами. Прежде чем попросить свой сок, Лявон внимательно оглядывал стеллаж в поисках новых сортов, та марка, которую он пил, надоела ему уже изрядно, особенно своим внешним видом – на её коробке были изображены два апельсина, один целый, второй разрезанный. «Фантазия оформителя безгранична», – усмехался Лявон. Но выбор соков всегда оставался прежним, другого такого же, натурального и без сахара, не было. Краем уха он слышал обрывки разговора продавцов, разговор неизменно вращался вокруг каких-то тихих песен. Продавец повыше, ещё не старый, но уже седоватый, всегда очень серьёзный, объяснял коллегам что-то об уникальности. Невысокий и плотный в целом соглашался, но с оговорками, видимо он любил научную точность и верил в объективность. Третий, совсем юный, в разговоре участия не принимал, но часто негромко напевал и поглядывал на Лявона. «Как им не надоедает об одном и том же, – думал Лявон. – Что за песни такие?» Он брал два-три литровых пакета своего сока и направлялся к выходу.

В ту пятницу, с которой начинается история, по пути домой на Лявона накатило настроение, порой всецело овладевающее им – жажда перемен и даже некоего подвига. В такие минуты он становился непохож на себя: взгляд загорался, опускался с небес, движения становились резкими и точными, развязывался язык. Такие настроения были сродни тому порыву, который когда-то подвигнул его на разукрашивание синего ящика, но более сильные и светлые. Откуда они берутся и что с ними делать, он понять не мог, и только ускорял шаг, сверкая глазами. Так вот, в ту пятницу ему пришла в голову смелая мысль – начать здороваться с продавцами в гастрономе. И, возможно, познакомиться. И – кто знает? – может даже расспросить их об их песнях. Исполненный решимости, он взбежал по каменной лесенке, толкнул дверь и устремился к продуктовому отделу, ожидая увидеть направленные на него из-за прилавков три пары благожелательных глаз и заготовив громкое приветствие. Но, к его досаде, за кассой сидел только невысокий и плотный, он что-то писал, опустив голову. Несовпадение составленного в уме плана и реальности было так неожиданно, что, когда невысокий и плотный наконец под-

нял на приблизившегося Лявона глаза, тот смешался и отвёл взгляд в сторону, не проронив ни слова.

После сцены в магазине жажда перемен и свершений почти утихла, но всё-таки обязательно нужно было совершить если не подвиг, то хотя бы поступок. И, когда Лявон добрался до дома, решение вдруг пришло: он пойдёт в баню не в воскресенье, как обычно, а в субботу. И при этом в самую далёкую, которую он знал: розовую баню в Чижовке. Чтобы не просто мытьё, а маленькое путешествие.

Глава 2. Кто такой Рыгор

Рыгór был известен знакомым, соседям и просто добрым людям как вольный автослесарь возрастом около тридцати лет, большой любитель выпить и поесть. Он имел коренастую, крепкую, вполне гармоничную фигуру, подпорченную спереди животиком, который, впрочем, умело маскировался одеждой в свободном летнем стиле. Округлое и высоколобое лицо оживлялось коричневыми глазами и густыми бровями, а низкий, чуть раздвоенный подбородок придавал ему мужественности. Тёмные волосы, с возрастом начавшие отступать со лба, Рыгор зачёсывал назад, слегка наискосок, и регулярно их остригал. Так же регулярно и внимательно он занимался и прочими составляющими своего внешнего вида: никогда нельзя было увидеть его плохо выбритым, или с торчащими из носа волосками, или с тёмной каёмкой под ногтями, или с пятном кетчупа на футболке.

Тем ценнее была его аккуратность и чистоплотность, что почти всё своё время он проводил в гаражах за починкой автомобилей для частных клиентов. Ремонт получался у него очень неплохо, самые сложные работы всегда удавались, и Рыгор слыл среди владельцев машин настоящим профессионалом, его рекомендовали хорошим друзьям. Помогал ему в работе и его характер, прямой, постоянный и очень ответственный. Ни разу не забыл он даже малейшего своего обещания и ни разу не опоздал к условленному сроку. А если он говорил, качая головой, что тот или иной ремонт невозможен, то и никто во всём городе не взялся бы за него. Но при всей своей серьёзности Рыгор вовсе не был сухарём, он часто смеялся, порой случался грустен, а иногда даже выходил из себя.

Водились за Рыгором и свои причуды. Если сфера интересов его коллег и конкурентов обычно не выходила за рамки бодибилдинга, телевизионного футбола или зимней рыбалки, то Рыгор был не таков и выглядел на их фоне белой вороной. Вряд ли много живёт на свете автослесарей, увлекающихся академической музыкой, и Рыгор был как раз из числа таких редких чудачков. Часто можно было увидеть, как он обсуждает очередную запись с кем-то из своих длинноволосых знакомых, тыча в обложку диска пальцем. Конечно, почти все, кто его знал, не обращали на это пристрастие большого внимания, поскольку в целом человеком он был добрым, положительным и дружелюбным. Кто станет придирается по пустякам к такому парню? Пусть слушает что хочет. Тем более что вторая причуда Рыгора почти всем приходилась по вкусу – он во множестве сочинял анекдоты и постоянно их рассказывал. Большей частью его анекдоты были не смешны и понятны только самому автору, но его заразительный смех компенсировал их недостатки.

Рыгор никогда не прочь был поболтать за кружкой пива и запросто сходил с новыми людьми. Мы познакомились с ним в банном баре, из-за нехватки места попав за один столик, и для начала он рассказал мне анекдот про белоруса. Решили учёные провести эксперимент: кто быстрее убежит из тюрьмы – француз, японец, еврей или белорус. Посадили их в тюрьму. Француз через три дня так по любовницам соскучился, что перепилил решётку и сбежал. Японец через пять дней так по машинам стосковался, что вырыл подкоп и сбежал. Еврей через десять дней так за свои деньги испереживался, что подкупил тюремщика и сбежал. Только

беларус сидит и сидит. Пришли к нему учёные и спрашивают – ты почему из тюрьмы не бегаешь? Беларус отвечает – а что, разве это тюрьма? по-моему, здесь неплохо!

Вежливо посмеявшись, собеседник рассказывал что-то подобное в ответ, а после второго бокала происходил плавный переход от общих тем к темам личным. Рыгор, доверительно понизив голос, обрисовывал своё невесёлое положение: ему с молодой женой и двумя дочерьми приходилось уместиться в средней по величине комнате тёщиной квартиры. У его собственных родителей квартира была однокомнатная, и жить там было совсем негде. Он жаловался, что старается приходить домой попозже из-за тесноты и многолюдности: жена с детьми, теща, тесть, сестра жены, а на сладкое – нахмуренная бабка. На вопрос, почему он не снимет отдельное жильё, раз ему тесно, Рыгор резонно отвечал, что копит на покупку новой квартиры, а если снимать, то уж ничего и не накопишь. Здесь он обычно хмурился или даже вздыхал.

Но несмотря на тесноту и напряжённость в доме, с тестем они были очень дружны. Издавна повелось, что Рыгор называл его «татой». Сразу после свадьбы тесть пошутил: «Татой будешь меня называть?» Рыгор со смехом согласился. Поначалу в разговоре на слове «тата» делалось ироничное ударение, при котором оба улыбались, довольные своим остроумием и дружескими, отчасти даже заговорщицкими отношениями. Потом слово стало привычным, укоренилось и уже не замечалось.

* * *

Тата, с лица которого почти никогда не сходила хитрая усмешка, имел мощную, тяжёлую фигуру, огромные ноги и руки, громовой голос и нос картошкой. По поводу носа картошкой он не соглашался и утверждал, что такой тип носа корректнее называть «клубничным», как верно подмечено где-то у Бунина. Тата, пользуясь своей отличной памятью, любил к месту процитировать кого-нибудь из классиков или вставить в разговор убедительный афоризм. Тата постоянно был простужен, чихал и сморкался, отчего нос краснел, и бунинское сравнение с клубникой делалось ещё вернее. Простуда не волновала его нисколько, он и слышать не желал ни о горячем молоке, ни о тёплых носках, ни о таблетках. Напротив, раскрывал форточку пошире, омывался холодной водой каждое утро и пил ледяной кефир из холодильника. Тата, как он выражался, «бодро дорабатывал» последние пять лет перед пенсией, сапожником в доме быта. Если спрашивали, чему он собирается посвятить ожидающий его на пенсии океан свободного времени, тата делал широкий жест, обводя рукой на стены, всю поверхность которых занимали стеллажи с книгами. Он любил повторять шутку, что потраченные на книги деньги с лихвой окупаются ненужностью обоев. Коллекционирование книг было его основным увлечением, хотя, как давно заметил Рыгор, читал он их редко.

Однако имелись и такие аспекты таты, которые Рыгора раздражали. Например, бесконечное сидение в туалете с журналом или газетой, манера ковырять спичкой в зубах, или отвратительная привычка сплёвывать в пепельницу. К подобным бытовым мелочам добавлялось принципиальное несходство вкусов и взглядов по ряду критических музыкальных вопросов. В этом месте как раз самое время заметить, что тата тоже получался очень даже странный человек, поскольку люди, склонные к починке обуви, ни к книгам, ни к спорам о музыке обычно не склонны. Но, как говорят психологи и психиатры, понятия нормальности и странности очень растяжимы и чётких границ не имеют. Не секрет также, что странное тянется к странному, а чудак – к чудаку, и кто знает, если б тата любил, скажем, охоту вместо книжек, как бы у Рыгора сложилось с его дочерью.

Если уж называть вещи своими именами, то тата был приверженцем раннего барокко, тяготеющим к ренессансу, в то время как для Рыгора музыкальная история начиналась с романтиков. Как человек опытный, мудрый и тактичный, тата старался обходить стороной эту разницу во вкусах, и если им случалось слушать музыку вместе, то записи выбирались так, чтобы угодить обоим. Однако Рыгор, сам уже давно не мальчик, не был столь же терпим, как тата. Временами, пребывая в скверном расположении духа, он вызывал тату на спор, с целью

доказать правильность своих вкусов и опровергнуть воззрения таты. Тата ссориться не любил, но взглядами никогда не поступался. В ходе перебранок выяснилось, например, что он особенно почитал клавесин, а фортепиано считал искажением чистой идеи; что он оставил позади пустоту романтиков, фальшивый надрыв модерна и бесплодные поиски нового времени – и пришёл к чистой музыке. Один раз, в пылу спора, тата сказал, что смотрит на Рыгора, с его Вагнером и Малером, как на ребёнка, не доросшего до зрелых представлений об искусстве. Рыгор запомнил это, и часто вспоминал, иногда с иронией, а иногда со злобой. Он был уверен, что это новомодное пристрастие к барокко – не более чем пижонство.

Впрочем, несмотря на такие вопиющие разногласия, ссоры у них были скорее редкостью. Тата с Рыгором постоянно вместе ели, тесть умел хорошо готовить. Пили тоже довольно часто, точнее, Рыгор пил пиво, а тата составлял ему одобрительную компанию. По всей видимости, тате нравился захмелевший Рыгор. Сам он алкоголь не употреблял вообще, что служило постоянной темой для веселья: непьющий сапожник – нонсенс! Тата виртуозно отшучивался, говоря например, что в кефире тоже есть небольшой градус. Он был убеждён, что кефир обладает лечебным эффектом и при регулярном его употреблении люди становятся долгожителями. Когда на Рыгора находило настроение выпить, тата сразу подмечал это и доставал ему из холодильника запотевшую бутылку крепкого «Сябра», приговаривая, что первым глотком нужно выпить ровно половину. Доев ужин, они перемещались в комнату таты, где находился балкон, и можно было много курить и громко разговаривать. Тата включал нейтральную музыку, которая не вызывала отторжения ни у него, ни у Рыгора, что-нибудь из Генделя или Гайдна, и они до поздней ночи предавались возлияниям за закрытыми дверями.

В дни же умеренности после ужина Рыгор закрывался от таты в своей комнате и просил его тоже закрывать дверь к себе, в целях звукоизоляции. Устав за день, Рыгор мог весь вечер просидеть на диване, убажывая себя пивом с солёными сухариками и слушая Брукнера. Изредка он брал что-нибудь почитать у таты, в основном про путешествия. В такие вечера намного уютнее было выключить верхний свет и зажечь торшер с оранжевым абажуром. Попивая пиво с копчёными колбасками, он лежал на боку, облокотившись на подушку, и не спеша читал «Землю Санникова» или «В дебрях Уссурийского края». Прочитав за час-полтора пару десятков страниц, Рыгор решал, что уже достаточно поздно, и никто не мешает ему спокойно поужинать.

Он отправлялся на кухню и отрезал два-три ломтя белого хлеба. Потом поднимался на табурет и заглядывал в антресоли, где хранилось варенье. Надо было выбрать, какое варенье намазывать на хлеб сегодня: белая смородина имела мелкие косточки, застревающие в зубах, малинового оставалась последняя банка, её было жалко. Поэтому Рыгор в последнее время всё чаще прикладывался к чёрной смородине. Намазав хлеб сливочным маслом, а сверху вареньем, он раскладывал его на тарелке так, чтобы можно было брать каждый ломтик, не испачкав руки о соседний, и садился за стол. Методично жевал, иногда вздыхая от удовольствия.

* * *

В утро, предшествующее знакомству с Лявоном, в пятницу, Рыгора заставили открыть глаза звуки клавесина. «Снова Пёрселл. Скоро я этих чертей наизусть буду знать». С большой досадой Рыгор посмотрел на будильник. Тот готовился зазвонить через несколько минут. Придаться, что тата включал музыку слишком рано, было нельзя, и что громко – тоже нельзя. Спустив ноги на пол, Рыгор с неприязнью отметил, что к подошвам прилипли мелкие соринки. Пора бы прибраться. Он отряхнул ноги одна о другую, встал, подошёл к столу и выключил будильник – было бы неприятно, если б он зазвонил. Съел два кусочка шоколадки, оставшиеся с вечера. За окном светило солнце, проявляя нежный слой пыли на стёклах. «И окно нужно вымыть», – поморщился Рыгор. Он провёл пальцем по стеклу и посмотрел на палец. Пыли было не очень много, но ведь это изнутри, между стёклами и снаружи должно быть больше.

Натянув джинсы, Рыгор пошёл в ванную. В комнате таты уже пели ангельскими головами какую-то кантату. Пол под ногой скрипнул, и Рыгор представил, что мог бы стать на этом месте и раскачиваться из стороны в сторону в такт ангелам. Вышедшему тате он объяснил бы, что даже половые доски вторят Пёрселлу в его славословиях небесам. Хотя, конечно, это было бы слишком явным и незаслуженным издевательством, не стоит... В ванной Рыгор умыл лицо, подробно рассмотрел его и остался вполне доволен. Внимательно расчесал волосы, пытаясь уловить изменения, произошедшие после смены шампуня. Кажется, стали слегка посуше. Рыгор наклонял голову под разными углами и поднимал отдельные пряди, ловя на них отблеск лампочки. Наконец снова причесался, вычистил зубы и вышел. Клавесин уже затих.

– Рыгор! – позвал его тата из кухни. – Я услышал, что ты проснулся. Как спалось? Что снилось?

Рыгор встал в дверном проёме, ведущим из коридора в кухню, и попытался вспомнить, что же ему снилось.

– Хрен знает. Как только встаю, из головы всё улетучивается.

– Завтракать будешь? Есть омлет со шпинатом и ореховые кексы. Может, кофе? – тата знал, чем порадовать его, он никогда не ленился встать рано и состряпать что-нибудь соблазнительное.

– Спасибо, тата, не откажусь, – Рыгор уселся за стол, сглатывая слюну, он помнил омлет со шпинатом и знал ему цену. Тата тут же закатал рукава халата, забряцал ложками и тарелками, полез в духовку. Он положил Рыгору увесистую порцию омлета, откупорил заранее приготовленную бутылку «Сябра» и присел рядом, чтобы насладиться поеданием своего произведения. Омлет оказался на удивление хорош. Рыгор, интенсивно жуя, одобрительно качал головой и делал большие глаза, показывая, как ему вкусно. Тата польщено высморкался в салфетку, встал и налил себе кефира.

– В магазин пойдёте сегодня? – спросил Рыгор, поставив пустую тарелку в мойку и отдуваясь.

– Как всегда, поближе к обеду. Что тебе взять?

– Да как обычно: тройку-пятёрку пива и закусить! Что ещё человеку нужно... – Рыгор принялся за кексы, запивая их пивом. – Вафли будете себе брать? Мне тогда тоже возьмите. Ну или печенья с изюмом. И шампунь какой-нибудь, желательно увлажняющий.

– Неужели последний не подошёл?

– Мне кажется, от него волосы как-то суше стали, – Рыгор покривился.

– Поди-ка сюда, – тата взял жующего кекс зятя под локоть и подвёл к окну. Не менее внимательно, чем Рыгор в ванной, осмотрел их и лёгонько потрогал, потёр между пальцами. – Ты прав. Купим увлажняющий.

– С меня причитается! Ладно, тата, пойду я, – Рыгор одним глотком допил пиво. – Кексы супер. До вечера!

И, выходя из кухни, Рыгор не удержался и бессмысленно съязвил:

– Как там наш Преториус поживает?

– Кстати, давно его не ставил. Вот вечером и послушаем вместе, – с улыбкой парировал тата.

Рыгору не нашёл ничего лучше, как многозначительно хмыкнуть и пойти собираться на работу. Собственно сборы заключались в выглядывании в окно, оценке погоды и одевании. Поскольку погода стояла неизменно тёплая и солнечная, Рыгору оставалось открыть шкаф и вытащить из стопки самую нижнюю футболку. Это была его давняя традиция: после генеральной стирки аккуратно складывать все футболки в стопку в случайном порядке, а потом доставать их строго по очереди, снизу вверх. Когда стопка сходилась на нет, совершалась новая стирка, и так далее. Сегодня выпала одна из его любимиц – свободная, ярко-оранжевая, с чёрным,

стилизованным под татуировку, узором на груди. Он надел кроссовки, посмотрелся в зеркало на двери и вышел.

* * *

Бодро сбегав по лестнице, Рыгор толкнул дверь подъезда и чуть не задел ею стоящего спиной дядю Василя. Дядя Василь, как всегда, спорил с дядей Михасём. Оба они были скромными худенькими пенсионерами, жили в этом же доме и в качестве прогулки переходили от одного подъезда к другому. Рыгор громко поздоровался, но ответил ему только дядя Михась. Дядя Василь был столь увлечён своей речью, что вместо приветствия на секунду повернул к Рыгору голову с выпученными глазами.

– Возьми хотя бы «Войну и мир»: Толстого было бы просто скучно читать, если бы не узлы женско-мужских отношений между героями! Они равномерно расставлены по роману, и внимание читателя как магнитом притягивается от одной свадьбы к другой.

– Ну что ты говоришь, Василь. Какое заблуждение.

Дядя Михась отвечал уверенно и спокойно. Он был большим почитателем Льва Толстого, настолько убеждённым в величии классика, что даже самые отчаянные нападки разбивались об его уверенность, как волны о скалу.

– Нет уж, позволь! – не давал ему сказать дядя Василь, – Лично мне такие приёмчики кажутся слишком примитивными! Он играет на самых низменных интересах читателя, я бы даже сказал – на его инстинктах.

На слове «инстинктах» дядя Василь драматически возвысил голос. Рыгор уже наизусть знал все интонации, жесты и фазы протекания споров между дядями, но предмет спора каждый раз был другой, и он часто останавливался послушать. Дядя Василь обожал поспорить и не имел устойчивой точки зрения ни в одной сфере, а уж тем более в литературе. Споры в основном касались именно литературы: дядя Василь никак не мог смириться с тем, что дядя Михась почитает Толстого превыше всех, хотя в мире так много ничуть не хуже написанных книг.

– Васи-иль, – укоризненно протянул дядя Михась, – А разве главы о военных действиях не столь же увлекательны? Не знаю, как ты, а я – человек, очень далёкий от военной сферы. Я никогда не служил и вообще по большому счёту пацифист. Но при всём при том даже на меня эти главы действуют необычайно сильно. Когда читаешь, как герои романа идут в атаку, сердце бьётся скорее, чувствуешь душевный подъём, а абзацы так и проглатываются.

– Это тоже игра на инстинктах!

– Какие же здесь инстинкты?

– Не знаю, как они правильно называются, я же тебе не профессор Павлов. Но когда все кругом кричат «в атаку!», и ты вместе с ними кричишь, и бежишь с душевным подъёмом, то это инстинкт чистой воды.

– Но скажи, разве это не гениальный писатель, если он способен вызвать подобный инстинкт у читающего? Не реальными действиями, а только своим рассказом? Вот ты, Рыгор, читал «Войну и мир»?

Они прервались и дружно посмотрели на Рыгора. Рыгор пожал плечами.

– Кажется, читал когда-то.

Он смутно помнил, как начинал роман, но скоро бросил, ему показалось слишком растянуто и скучно.

– Как же так, Рыгор? Ты непременно должен почитать. Великий роман.

Дядя Михась серьёзно смотрел на него. Рыгор обещал почитать. Дядя Василь при этом молча строил гримасу отвращения, приоткрыв рот и полузакрыв глаза, как бы говоря, что ни в коем случае не стоит читать «Войну и мир», если не хочешь испытать рвотный рефлекс. Вдруг Рыгор фыркнул – у него родился анекдот:

– Слушайте, отцы! Приходит Толстой в аптеку и просит – дайте мне пачку презервативов, самых больших и с пупырышками. Аптекарьша говорит – Лев Николаевич! пользоваться

презервативами безнравственно! должны рождаться дети! Толстой отвечает – дура! это не мне, а Достоевскому, он сам стесняется, – и Рыгор захохотал.

Дядя Василь и дядя Михась синхронно поморщились. Дядя Михась даже сплюнул от досады, а дядя Василь сказал:

– Что за пошлость, Рыгор! Ты как школьник, ей-богу. Ужасная безвкусица!

Рыгор, ничуть не обидевшись, только улыбнулся в ответ, попрощался, поправил сумку на плече и двинулся. Он ещё слышал, как дядя Василь предположил, что воистину великим писателем был бы тот, кто написал бы захватывающую книгу, не опираясь ни на какие инстинкты. Ещё несколько метров, и их голоса погасли.

* * *

Рыгор любил ходить и ходил быстро. Он вышел из дворов, пересёк улицу, срезал угол парка и разогнался до своей обычной скорости. Его путь лежал сначала вдоль длинного Чижовского парка, потом по мосту через водохранилище, потом мимо розовой прямоугольной бани, потом по Партизанскому проспекту, потом сквозь лесопарк, по трамвайным путям. В лесопарке Рыгор сбавлял скорость и ненадолго присаживался отдохнуть и перекусить на склоне с выгоревшей на солнце травкой. Съедал два-три бутерброда с маслом и сыром, слушая ветерок в ветвях над головой и чириканье птичек. За парком просматривался белый забор Тракторного завода, на котором работал поваром знакомый Рыгора. Знакомый давно зазывал его в гости на завод, «на честные трудовые блины», как он выражался. Но Рыгор так ни разу и не зашёл – утром он торопился на работу, а вечером знакомый уже уходил с завода, заканчивая смену то ли в четыре, то ли в пять часов. Отдохнув и восполнив силы, Рыгор решительно поднимался и шагал вперёд по трамвайным рельсам. К этому времени он уже входил в состояние, когда хотелось идти дальше и дальше, быстрее и быстрее. Центр города он пересекал на всех парах, а под конец пути, перед площадью Бангалор, даже немного уставал. Но он больше не отдыхал, оставалось уже немного: пройдя краем парка и обогнув небольшую аккуратную церковь, он сворачивал направо и попадал на финишную прямую, улицу со старыми кирпичными домами.

В одном из окон самого последнего дома, белой девятиэтажки, наполовину скрытой листовой высокими каштанами, он как-то раз, бросив случайный взгляд, заметил бледное старушечье лицо с собранными назад седыми волосами. Старушка неподвижно скучала и смотрела на дорогу, на Рыгора. Через несколько дней он заметил её ещё раз, потом ещё и ещё. Поначалу он чувствовал лёгкое раздражение по отношению к старушке, ему не нравилось находиться под её наблюдением и контролем, пусть и ничтожно малым. Но постепенно бледное лицо в окне стало для него привычным и даже дружеским; не видя его в некоторые дни, Рыгор ощущал неполноценность мира и смутное беспокойство. Сегодня, удовлетворённо отметив наличие старушки, Рыгор коротко и деловито посмотрел в её сторону и кивнул. С некоторых пор, будучи в хорошем настроении, он приветствовал её, хотя она никогда не отвечала.

Ему осталось пройти жёлтую троллейбусную станцию, заключённую в круговую дорогу с хитросплетениями проводов над ней, за которой уже начиналась территория гаражей. Гаражи занимали значительную площадь и разделялись на секторы, принадлежавшие различным товариществам. Сектор Рыгора носил название «Гаражный кооператив» и начинался с двух пышных каштанов, между которыми уютно пристроился домик охранника из белого кирпича и длинный, тонкий, изогнувшийся под своей тяжестью шлагбаум в красно-белую полосу.

* * *

Рыгор владел двумя смежными гаражами в самом конце «Гаражного кооператива», в тенистом тупике. Их железные ворота были выкрашены в тёмно-охристый цвет, чтобы не было видно грязи и ржавчины. Внутри гаражи соединялись проходом, самочинно и нелегально сделанным Рыгором. В первом гараже, который он называл кухней, помещались стеллажи со множеством инструментов, верстак с мощными тисками из нержавеющей стали, небольшой сверлильный станок, гордость Рыгора, старый-престарый холодильник с обтекаемыми фор-

мами в стиле пятидесятых и кресло-качалка «для клиентов». Включив свет – освещались гаражи простыми лампочками, свисающими с потолка на косичках из проводов – Рыгор сел в кресло и открыл холодильник. Пять бутылок пива, три банки тушёнки, копчёные колбаски, спагетти, маслины, и овсяное печенье. Рыгор остался доволен осмотром. Под верстаком у него хранилась электроплитка и кастрюля, он достал их, включил плитку в сеть и тут же выключил, вспомнив, что вода вчера кончилась.

Идти в магазин за питьевой водой было конечно лень, и Рыгор, взяв пустую пятилитровую бутыл, отправился к водоколонке, уверенно и независимо синевшей рядом со шлагбаумом. Рыгор подставил под её кран бутыл и нажал на рукоятку. Послышалось подземное сипение, руке передалась лёгкая дрожь, и вскоре толстой прозрачной струёй полилась вода. Пока бутыл гулко наполнялась, Рыгор приблизил лицо к окну и заглянул сквозь стекло в домик охранника. Домик сейчас пустовал, дядя Геня появлялся на месте не раньше обеда. На пыльном столе лежала газета и карандаш, наверное, он вчера решал кроссворд. Тем временем, по мере её наполнения бутыл, звук в ней становился всё тише и тоньше. Рыгор попытался отпустить рукоять именно в тот момент, когда бутыл наполнится ровно доверху, но на мгновение опоздал, вода плеснула через край. Снова наступила тишина. Солнце просвечивало сквозь листву клёнов, чирикали воробьи. Вдалеке показался и пропал прохожий.

Вернувшись в гараж, Рыгор поставил воду кипятиться на уже раскалённую плитку. Хотелось пить. Он достал из морозилки пиво, сделал несколько глотков и прошёл во второй гараж, называемый им комнатой. Этот гараж был личной территорией Рыгора, куда клиенты не допускались. Там было аскетично пусто: твёрдая кушетка со спинкой, высокий журнальный столик, а напротив – высокая тумба с проигрывателями и усилителями. Рядом с тумбой стояли огромные колонки. Рыгор, помимо любви к музыке как таковой, был аудиофилом, ценителем чистого и правильного звука. Чтобы улучшить акустические качества гаража, он обтянул стены и потолок старыми коврами, а на пол раздобыл подходящий по размеру кусок толстого войлока. В углу за правой колонкой располагался стеллаж с пластинками и компакт-дисками. Поставив бутылку на колонку, Рыгор стал водить пальцем по торцам дисков, раздумывая, что бы послушать. Всё было переслушано уже по многу раз, фонотека давно нуждалась в пополнении.

Из кухни слышалось шипение, это закипела вода. Рыгор быстро вытащил один из своих любимых дисков, Итальянскую симфонию Мендельсона с Караяном, сделал погромче и побежал к кастрюле. Вода булькала и выплёскивалась на плитку. Он сунул в кастрюлю полпачки спагетти и стал давить на них, чтобы согнуть и полностью погрузить под воду. Мендельсон входил в силу. Наконец спагетти поддались, и Рыгор устроился на кушетке, отпивая пиво и внимая стремительной мощи оркестра. Когда первая часть концерта кончилась, он остановил проигрыватель и занялся наконец обедом. Это было до приятности несложно: слить воду со спагетти, открыть специальным ножом банку тушёнки, выгрузить тушёнку в кастрюлю и всё перемешать. Получившееся блюдо Рыгор наложил в пластиковую тарелку, сколько влезло, закрыл оставшееся в кастрюле крышкой, взял вилку и погасил свет. Рыгору нравилось слушать музыку в полутьме. Со вздохом удовлетворения он уселся на кушетку и нажал кнопку на пульте. Началась вторая часть концерта.

К концу симфонии Рыгор уже доел спагетти и вымыл кастрюлю. Он посидел на кушетке, наслаждаясь чувством сытости и покоя, а потом принялся за дело, которым занимался уже не первую неделю. Это была глобальная каталогизация всех деталей и запчастей, хранившихся у него в гаражах. Некоторое время назад ему пришла в голову идея, что можно значительно ускорить поиск всяких мелких деталей, если знать точно, где каждая из них находится. Он завёл себе две больших толстых тетради в клеточку, в первой из которых сделал алфавитные вырезы на правом краю каждой страницы, как это обычно бывает в записных книжках. В эту тетрадь Рыгор вписывал названия деталей в алфавитном порядке, с указанием размеров, материалов, особенностей конструкции, а также полки на стеллаже и номера коробки. Например,

«болт диаметром 5 мм, длиной 20 мм, сталь, шестигранная головка, 3 штуки, полка № 1, банка № 1». Во вторую тетрадь заносились те же детали, но принцип сортировки был другой: вначале шли номер полки и номер коробки, а затем педантично перечислялось содержимое.

Рыгор вышел в первый гараж и остановился перед ближайшим к выходу стеллажом. Верхняя часть его полок была занята пронумерованными и уже каталогизированными банками и коробками, а внизу стояли нетронутые пока ресурсы. Он вытащил снизу первую попавшуюся банку (она оказалась из-под кофе), сел за верстак и со звоном и шелестом высыпал детали. Некоторые покатались и упали на пол. Обе тетради лежали раскрытыми ещё со вчерашнего дня. Рыгор взял карандаш и погрузился в работу.

Он долго и со вкусом трудился, с головой погрузившись в детали, показания штангенциркуля и записи в тетрадях. Попивал пиво, съедал между делом колбаску-другую и был полностью счастлив. За несколько часов ему удалось упорядочить две больших банки из-под растворимого кофе. От дела его оторвал звонок мобильного, в котором был установлен будильник на пять часов. Рабочий день кончился. Рыгор отодвинул тетради в сторону, встал и потянулся. Поднял бутылку и, подойдя к проёму ворот, допил несколько тёплых глотков, оставшихся на дне. Свет солнца уже становился золотисто-вечерним.

Глава 3. Как Лявон и Рыгор познакомились

В чижовской бане Лявон бывал всего раз или два, когда-то давно, и путь к ней, занявший около трёх часов, составил для него целое приключение, выбивающееся из ровной череды дней. По дороге Лявон представлял, что его ноги оставляют за собой полупрозрачные следы, насовсем остающиеся на поверхности земли. Это было его любимым развлечением во время прогулок по новым местам – рисовать в воображении огромную карту города с пунктирными траекториями всех прочерченных им путей. Прокладывать по этой карте новую линию было тем бóльшим удовольствием, чем дальше она пролегла от клубка утопанных будничных линий, по которым он двигался ежедневно. Сегодняшний путь, со всеми нарочными ответвлениями, спонтанными поворотами и несколькими мгновениями лёгкой паники в моменты потери ориентиров, значительной частью пролегал сквозь белые пятна на карте. Чувства первопроходца поднимали Лявону настроение, и он достиг здания бани, раскрашенного в розовые и белые прямоугольники, в наилучшем расположении духа.

* * *

Субботняя баня оказалась ещё более многолюдной, шумной и душной, чем воскресная. Это стало понятно сразу, как только Лявон переступил порог раздевалки. Но пути назад уже не было, вернуться домой значило потерять впустую полдня, растратив его на ходьбу по городу. Отбросив сомнения и стараясь не думать об унижительности положения индивида в условиях скученности, Лявон прошёл по направлению, указанному банщиком. Свободные шкафчики для раздевания можно было отличить от занятых по стоящим над ними жестяным тазикам с красными номерами, написанными от руки краской.

Одним из самых приятных банных переживаний для Лявона был первый вход под душ. Сняв брюки и закрыв шкафчик, Лявон прошёл в моечный зал. На счастье, один из душей, ближний к стене, был свободен. Вытянув руки к тусклым круглым вентилям, он открыл сильную воду и внимательно отрегулировал температуру, не торопясь и давая ей время стабилизироваться. Потом разом шагнул под упругий горячий дождь, с удовольствием ощущая, как мгновенно вымокает и тепло тяжелеет рубашка, трусы и носки, как влажно и ласково их ткани облепляют кожу. Лявон зажмурился, закинул голову лицом к воде, поднял руки и всем телом потянулся вверх. Он улыбался, чувствуя, как маленькие, но сильные потоки создают водовороты в его носу и глазницах, фыркал и напевал.

Потом Лявон разделся, сбросив мокрую одежду в тазик, и наполнил его водой. Насыпав в воду стирального порошка из полиэтиленового мешочка, он выстирал в тазике своё бельё, тщательно прополоскал его, отжал и аккуратно сложил в синий пакет «Nivea», чтобы по возвращении домой развесить на балконе и высушить. Теперь настало время париться.

* * *

Лявон первым увидел Рыгора. Когда Лявон вошёл в парную – впоследствии выяснилось, что Рыгор называет парную «парилкой» – у печи, спиной к нему, стоял среднего роста парень в серой войлочной шапке в форме колокольчика. Он держал в руке ковшик и осторожно плескал водой на раскалённые камни, осведомляясь у мужиков на верхних полках, не слишком ли им горячо. Мужики поглаживали вениками грудь, плечи, ноги и просили ещё немножечко. Лявон не торопился подниматься наверх, привыкая к температуре. Стоя в шаге от печи, он рассматривал Рыгора: его мужественное, тяжеловатое сложение, мощную спину, уверенные движения. Чтобы поддать пару, Рыгор вытягивал руку с ковшом, поворачивал её, и под кожей предплечья переливались волокна мышц. Кажется, в воду было добавлено немного пива, чувствовался нежный хлебный аромат. Наверху уже начали хлестать себя вениками, и наконец кто-то крикнул: «Хватает!» Это значило, что стало горячо и больше пару не нужно.

Рыгор опустил ковш в ведро с водой, и, разворачиваясь, чтобы отойти от печи, наступил на ногу Лявону. «Прости, братан», – Рыгор улыбнулся и коснулся его плеча широкой крепкой ладонью. Лявон вежливо кивнул, и они вместе поднялись наверх, на площадку для любителей париться стоя, вокруг которой располагались деревянные ступени, для менее активных. Лявон забрался на верхнюю ступеньку, где жар был самым сильным, сел, подложив под зад благодарно принесённую с собой дощечку, и замер. От малейшего движения кожу обжигало. Рыгор стоял рядом, сначала он принялся махать веником перед собой, порождая волны раскалённого воздуха, а потом захлестал себя, всё сильнее и сильнее. «Однако слишком любит поесть», – отметил Лявон его плотный живот. Он прикрыл глаза и скоро забыл о Рыгоре, представляя, как красно-чёрный жар проходит насквозь через его тело.

Поплавившись в парной минут десять, Лявон с лёгким головокружением вышел в моечный зал и долго стоял под прохладным душем. Тугие струи, бившие из жестяного конуса над головой, тяжело давили на голову и на плечи. Лявон наслаждался этой тяжестью, громким плеском и шумом, стоящим в бане, ярко-фруктовым запахом шампуня и нежными пузырями пены, ползущими вниз по груди и животу. Он нехотя выбрался из-под душа, чтобы потереть какому-то мужику толстую спину по его просьбе, и, отказавшись от взаимности и вернувшись под струи, наблюдал, как тот тщательно вымывает себе подмышки, подживотие и межножье. Всё вокруг казалось Лявону в высшей степени правильным и нужным, и он в очередной раз испытал сладкое чувство сопричастия и единения со всеми этими мокрыми, мыльными телами.

Утомившись, Лявон вышел в прохладный предбанник и сел на сиденье у своего шкафчика, накинув на плечи большое зелёное полотенце. Кожа его, казалось, набухла и гудела, но не болезненно, а приятно. Он попробовал подобрать слово, характеризующее его теперешнее состояние, и остановился на «истоме». «Душа истомилась в разлуке», – вспомнилась строчка из любимого отцовского романа. Стал думать о хуторянке, о дороге к ней, об облаках. Сегодня она увиделась ему издалека, со спины, идущей по дороге меж золотящимися полями. Чёрные волосы, собранные чуть ниже шеи в толстый пучок, покачивались в такт её шагам, руки сжимали что-то у груди. Он нагнал её и полетел рядом, почти касаясь её плеча. Желтовато-белое льняное платье пахло свежей тканью. Нежным высоким голосом она напевала красивую незнакомую песню, каждое слово которой было понятно, но общий смысл ускользал.

Проснулся Лявон от холода. Полотенце упало со спины и лежало одним концом на полу, мокрым и грязным. Он провёл рукой по плечу, покрывшемуся гусиной кожей, потом по голове. Волосы почти высохли, а это значило, что проспал он около часа. Ёжась, Лявон достал из

пакета чистые трусы и носки, отметив, что в полном высыхании есть свой плюс: носки не прилипают к коже и натягиваются легко. Вытереться полотенцем до такой сухости никогда бы не удалось. Стоя ногами на туфлях, чтобы не намочить носки, он повернулся к шкафчику. Надевание брюк в бане требовало опыта и ловкости – коснувшись пола, штанины бы неминуемо испачкались, и их следовало положить на сидение или держать в руках. По очереди балансируя то на одной, то на другой ноге, Лявон облачился в брюки, аккуратно развернул свою любимую белую рубашку с воротником-стойкой и понюхал её. Пахло свежо, но со смутным привкусом, и в попытке определить его Лявон наморщил лоб. Он надел рубашку, заправил её в брюки, согнав складки на спину, и застегнул ремень.

* * *

В баре на первом этаже стояло пять-шесть столиков, постоянно занятых чистыми румяными мужиками, подолгу сидящими там после мытья. Тихие и умиротворённые, приятно уставшие, они чинно пили пиво из бутылок или из больших одноразовых стаканов и беседовали. Лявона влекла эта расслабленная послебанная атмосфера, хотелось так же посидеть за столиком и выпить, наслаждаясь отсутствием мыслей в голове. Лявон подошёл к стойке, спросил у буфетчика пакетик апельсинового сока и огляделся в поисках свободного места. За ближайшим столиком спиной к нему сидел парень с тёмными волосами и в белоснежной рубашке поло. Вокруг него стояло несколько больших пластиковых тарелок со следами кетчупа и две пивные бутылки. Лявон подошёл и вопросительно взялся за спинку стоящего напротив стула. Парень серьёзно кивнул. Лявон узнал того опытного парильщика, который поддавал жару и наступил ему на ногу. Он отодвинул стул и сел, поставив сумку на пол. На него нашло настроение, когда хотелось с кем-то говорить, много, подробно, о себе и о нём.

– Хорошо сегодня было! – Лявон улыбнулся Рыгору, распечатал пластиковую трубочку и вставил её в пакетик. – Чем ты брызгал в печь, пивом или квасом?

– Водой, а в ней немного пива. Чистое пиво на камни лить нельзя, палёным запахнет, – охотно ответил Рыгор и отпил из бутылки. – Новичок?

– Да, я в этой бане всего пару раз был, и то по воскресеньям. Лявон, – представился Лявон.

– Рыгор.

Рыгор составил тарелки одна на одну, чтобы освободить место для Лявона. Он уже рассмотрел собеседника, отметив его молодость и бесхитростное, но неглупое лицо. «Машины у него конечно нет, и жены нет. Студент», – подумал он.

– А в сауне бываешь? – продолжал Лявон.

– Не люблю я её, слабенькая. Не прёт меня от неё. Это для всяких там спортсменов и для больных, которым греться полезно, но которые от русской бани могут помереть.

– Точно! – Лявон улыбнулся опять, как бы соглашаясь. Если вдуматься, то он и в самом деле был согласен, но Лявон не вдумывался. Ответ Рыгора даже не отложился у него в памяти; сейчас ему просто нравилось слушать звук голоса и понимать, что голос обращён именно к нему.

Они поговорили о бане, потом о соке, почему Лявон пьёт сок, а не пиво. Лявон сказал, что ничего против пива не имеет, здоровье у него в порядке, просто он привык к апельсиновому соку и любит его. Рыгор похвалил тутошние бутерброды, свежесть и хлеба, и колбасы, и сыра. Лявон отвечал, что тоже непременно попробует, только попозже, сейчас ему и так хорошо, даже жевать не хочется. Потом за столиком в углу негромко затянули песню, и это стало поводом поговорить о музыке. Выяснилось, что Лявон музыку очень любит, но определённых музыкальных пристрастий не имеет и даже затрудняется вспомнить хотя бы несколько своих любимых записей. Рыгор допивал третью бутылку пива, он уже немного захмелел и не удивлялся таким мелочам. Он спросил Лявона, что тот думает о классиках, романтиках и модернистах, и Лявон отозвался о них всех равно уважительно. Когда Лявон внимательно взглядывал ему в

глаза, Рыгору становилось уютно и легко, он чувствовал внимание к своим словам и от этого говорил ещё больше и лучше.

Подошёл буфетчик, чтобы убрать со стола. Рыгор вполголоса спросил у него, что за песни поют за столиком в углу, незнакомые какие-то. Это тихие песни, ответил буфетчик. Лявон поднял глаза к потолку, вспоминая, где он уже слышал о них, а Рыгор засмеялся:

– Я слышу, что не громкие! Кто написал их, вот я о чём! – Буфетчик не знал, и Рыгор махнул рукой. – Ну ладно, не знаешь так и не надо. Принеси мне ещё парочку бутеров с колбасой, будь добр. И два «Сябра». Выпьем «Сябра», Лявон? Я угощаю.

– Нет, мне сока, – попросил буфетчика Лявон. – Прости, Рыгор, нет сегодня настроения на пиво. Спасибо тебе большое за приглашение. Расскажи мне ещё о себе, о своей работе?

Рыгор и не думал обижаться. Он сам съел оба бутерброда, обильно запивая их и рассказывая Лявону о забавных случаях из практики. Потом Рыгор сказал, что уже засиделся и хочет на воздух. Когда они вышли наружу и остановились на ступенях, Лявон привычно поднял голову и засмотрелся на небеса. Тело было в приятном расслаблении, двигаться не хотелось. Предстоящий путь домой теперь казался Лявону слишком длинным, замечталось о велосипеде. Рыгор глядел на юный профиль Лявона на фоне темнеющего неба и тоже думал о возвращении домой, но с раздражением и почти отвращением. Особенно неприятной сейчас была мысль о тате и своей несвободе.

– Эх, Лявон, где денег взять? – в сердцах сказал он. – Так хочется уже квартиру купить наконец. Стать хозяином и себе самому, и семье. Вот ты смотришь на меня и думаешь, взрослый мужик, да? Самостоятельный? А вот и не так, брат, не так. Тебе ещё это непонятно, но чем старше становишься, тем хреннее от кого-то зависеть. Очень хочется жить по полной, но не представляю, как квартиру купить. А без этого никак.

– Где вообще люди берут деньги? – задумчиво и отвлечённо спросил Лявон, не отрываясь от небес. – Я бы тоже не отказался. Купил бы себе велосипед, катался бы.

Рыгора насмешил такой пустяк, как велосипед, и он, забыв о своей грусти, глотнул ещё пива, хохотнул и предложил ограбить банк. Лявон вежливо и вопросительно улыбнулся, как бы не понимая, о чём идёт речь.

– Ну а чего? Рискнём один раз, зато потом! Все проблемы сразу решатся. Я куплю квартиру, куплю хай-энд аппаратуру, выпишу по каталогу вагон лицензионных дисков, – Рыгору явно понравилась его идея, он воодушевился.

Лявон, покивав головой, с совершенно серьёзным видом согласился:

– Давай ограбим, почему бы и нет. Только как? Выроем подкоп из-под соседней улицы? Или переоденемся инкассаторами? Или ворвёмся с автоматами?

– В первый раз лучше не усложнять. Калаша, газовые шашки, заложенники – вот и всё, что надо, – Рыгор сложил руки, целясь воображаемым автоматом. – И обязательно надо на голову надеть чулок, чтоб не узнали! Или вязаную шапку. Только глаза прорезать.

– Это всё понятно. Но ты знаешь, что у каждой кассирши под столом красная кнопка? Как только мы войдём, они тут же вызовут милицию.

– Пока милиция приедет, мы всё успеем! Не бойсь! Раньше, чем минут через десять-пятнадцать, они никак не появятся.

– Слишком произвольное допущение. Они вполне могут приехать через пять минут. Кроме того, обычно в банках ещё и охранники стоят. Сам я там не бывал, но читал где-то.

Лявон говорил это с грустным видом, как бы жалея, что ограбление заведомо обречено на провал. Но Рыгор был уверен, что Лявон подыгрывает его шуткам, и вовсе веселился, пьяно блестя тёмными глазами.

– Вначале завалим охранника. Да и вообще всех завалим. Сразу батальон не приедет. Сначала двоих-троих пришлют, не больше, – Рыгор размахивал бутылкой, – А мы притаимся и хоп! Мешок на голову и в колодец!

Лявон поморщился:

- Лучше обойтись без жертв. Убивать – это гадко. Тем более ради денег.
- Смертной казни боишься?
- Нет, я об этом не думал даже. Неприятно просто. Насилие – это не для меня.

Рыгор наконец понял, что Лявон говорит серьёзно. Не зная, что сказать, он нагнулся и провёл пальцами по ступени, проверяя, не испачкаются ли его светло-синие джинсы. Пальцы остались чистыми. Рыгор присел. Допил последний глоток из бутылки и опустил её возле мусорки. Тем временем Лявон размышлял вслух:

– Хотя, с другой стороны, какая разница, убьём мы их сегодня или они сами умрут через двадцать лет? Всё равно ведь умрут, и воспрепятствовать этому процессу невозможно, – он помолчал. – Более того, мне сейчас пришла в голову отличная мысль! Можно взглянуть на вопрос по-христиански... Ты же христианин, Рыгор?

Рыгор неопределённо кивнул. Он достал из сумки непечатую пачку сигарет и вылуцил её из прозрачной плёнки. Плёнка, намагнитившись, держалась на его пальцах и не хотела лететь в мусорку.

– Ну так вот, по-христиански для души человеческой весьма полезно, чтобы тело умерло пораньше. Вдумайся: чем раньше человек покидает земную юдоль, тем меньше успевает нагрешить. Ведь вероятность того, что однажды он образумится и перестанет грешить, ускользающее мала. День ото дня человек укрепляется и закосневает во грехе.

– Согласен, – заметил Рыгор, с веселья переключившись на пьяную вдумчивость. – По себе знаю – чем дальше живёшь, тем большей скотиной становишься.

– Именно! Но это во-первых. А во-вторых, если человека убить, то получится, что он невинно пострадал – и за это ему многое простится. Чем жесточе убить, тем лучше. Учини над малым сим зверство, и завтра же он будет в раю!

Рыгору наконец удалось выбросить плёнку, скатав её в шарик. Он закурил и протянул пачку Лявону.

– А сам ты готов, чтоб тебя потом черти жарили? В вечном пламени, как говорится?

– В вечном пламени? – Лявон покачал головой, отказываясь от сигарет. – О нет! Вот здесь-то и кроется сладостная изюмина, даже, я бы сказал, смоква. Заметь, мы идём на убийство не корысти ради и не во гневе, но по любви. Спасаем банковских работников от геенны! Души своей не жалеем ради блага ближнего! Кто же мы после этого? Ответ прост: мы святые!

Лявон нарисовал пальцем круг над своей головой. Лицо и поза его были одухотворены и от этого особенно хороши. Рыгор невольно залюбовался. В этот момент дверь открылась и наружу вышла компания мужиков. Они кашляли, пошатывались и громко обсуждали пиво «Крыница».

– Как вам «Крыница», пацаны? – обратился к Лявону и Рыгору один из них, блондин разболтанного вида.

– Я уже давно её не пью, – авторитетно ответил Рыгор. – Бери лучше «Сябар», он получше будет.

– Уважаю! Гуте нахт! – согласно воскликнул блондин, с размаху пожал Рыгору руку и неуклюже побежал за удаляющимися друзьями. У дороги он их нагнал, и оттуда донёсся смех, громкий чих и пение хором: «Майн либхен, гуууте наааахт!» Лявон и Рыгор переглянулись. Рыгор встал и стрельнул окурком в мусорку.

– По-немецки, что ли, поют? Вот черти... То у них тихие песни, то громкие. Пошли, что ли, ещё пивка возьмём? И по пицце?

Они вернулись в бар. После вышедшей компании остался пустой столик в самом углу буфета, Рыгор указал на него Лявону, а сам пошёл к стойке. Через несколько минут он вернулся с двумя бутылками «Сябра».

– Ты какую пиццу любишь? Там есть с сыром, а есть с колбасой.

– Спасибо! – Лявон вяло улыбнулся и мотнул головой. – Я не голоден, бери только себе. Если вдруг окажется очень вкусно, угостишь меня кусочком.

– Да? Ну как скажешь.

Рыгор помахал буфетчику рукой, и тот кивнул ему в ответ. Лявон подумал, что жест Рыгора означает отказ от второй пиццы. Рыгор сел и достал из кармана джинсов маленький гаечный ключик, пояснив, что размер 13 идеально подходит для откупоривания пробок. Он передал одну бутылку Лявону и призывно поднял свою, глядя ему в глаза. Они чокнулись за знакомство. Рыгор отпил несколько глотков, крепко поставил бутылку на стол и спросил, явно настраиваясь на основательную беседу:

– Ну расскажи, Лявон, кто ты? Чем живёшь?

– Да нечего особо рассказывать... – собираясь с мыслями, сказал Лявон. – Студент, учусь в институте. Живу в Кунцевщине, у тётушки, на третьем этаже. Читать люблю.

Не зная, о чём ещё сказать, Лявон умолк. Он опустил бутылку на стол, так и не отпив ни глотка. Ему уже хотелось спать. Но у Рыгора настроение было активное. Он хлопнул Лявона по руке и засмеялся, непонятно чему:

– А я автослесарь! Работаю! Живу у тестя с тёщей! Музыку люблю! – он хохотал.

Лявон подумал, что тот хохочет над его, Лявона, описанием себя и пародирует. Это ничуть его не обидело, так как он прекрасно осознавал всю скудность нарисованной автобиографии. Буфетчик поднёс две большие пластиковые тарелки с пиццами. Оказывается, Рыгор вовсе не отказался от второй, но намеревался съесть обе, «потихоньку», как он выразился. Он тут же принялся жевать. Пиццы были куплены в магазине, разогреты в микроволновке и щедро политы майонезом. Лявон подумал, не съесть ли ему кусок.

«Нет, не хочу пиццу. Но как хотелось бы мне стать на несколько минут им – Рыгором! Проникнуть в его тело, ощутить майонез на его языке, пивную пену на его губах, тяжесть его навалившегося на стол живота, увидеть мир из его глаз. Как обидно, как унижительно, что наши возможности столь мелки и бедны. Общение, наблюдение, прикосновение – это всё, чем доступен нам другой человек. И если даже предположить, что взаимопроникновение друг в друга не имеет смысла из-за нашей одинаковости, то утешительна ли эта мысль? Нет, не утешительна... Взять хотя бы его форму ногтей, каково иметь именно такие ногти? Этого я никогда не узнаю», – так размышлял Лявон, наблюдая за жующим Рыгором.

Но размышления его были неожиданно прерваны – к их столику подошёл крупный пожилой мужчина и, задев ногою стул, произвёл довольно сильный шум, напугавший засыпающего Лявона. Лявон и Рыгор дружно подняли к нему лица.

– Тата?! – воскликнул Рыгор. – Какими судьбами? Вы же обычно в ванной моетесь, холодной водичкой?

– Тебя очень долго не было. Я заволновался, – тата подёрнул брюки и снова произвёл шум стулом, усаживаясь. Он достал из внутреннего кармана пиджака платок и обстоятельно высморкался, после чего промакнул внутренности ноздрей, натянув платок на мизинец.

– Вы посмотрите на него! Он заволновался! – развязностью Рыгор попытался скрыть смущение, но было заметно, что он покраснел.

– Лявон, – с улыбкой представился Лявон, чтобы разрядить атмосферу.

Он протянул руку, и тата неспешно пожал её. Ладонь таты, как и у Рыгора, была большой, широкой и тёплой. «Интересно посмотреть, как онижимают руки друг другу. Две огромные клешни, прилагающие усилия одна к другой».

– Зови меня татой, сынок. Лявон, говоришь? И сколько тебе годков? – тата в упор смотрел на Лявона тяжёлым взглядом, немного исподлобья, и тому стало не по себе.

– Да бросьте, тата! Это мой новый друг. Мы с ним в парилке познакомились, – небрежно прервал его Рыгор и повернулся к Лявону. – Мой тесть – редкий человек! Добрейшей души,

и скромный до крайности. Напускает на себя простецкий вид, а сам по целым дням клавесин слушает.

– Новый друг, говоришь? – нараспев произнёс тата и поднял толстый указательный палец на Лявона.

– Да! Слушайте, какой мы с Лявоном анекдот сочинили. Встретились как-то раз три царя: буддийский, иудейский и христианский – и поспорили, кто может больше добра людям сделать. Буддийский царь велел всем жителям своей столицы раздать по книге. Иудейский царь велел всем жителям своей столицы раздать по кошельку золота. А христианский царь велел всех жителей своей столицы казнить. Буддийский и иудейский царь удивились и вскричали – что ты такое натворил? Это же не добро, а зло! А христианский царь отвечает – дураки, не знаете, в чём добро! мои люди невинно пострадали, и теперь попадут прямиком в рай!

Лявону не было смешно. Он только удивился, что Рыгор не только понял их разговор, но и успел его переварить, на своём уровне. Тата, тоже без тени улыбки, заметил, что назови один царь других дураками, те тотчас же объявили бы ему войну. «Войну!» – повторил он с ударением. Повисла пауза. Наконец Рыгор резко поднялся, пошатнувшись.

– Ну всё! Идём домой! – сказал он тате. – Лявон, рад был знакомству. Дай мне свои контакты, споемся ещё.

Лявон продиктовал адрес и телефон. Рыгор записал их на мятую бумажку, допил залпом пиво и двинулся к выходу. Тата тоже встал, молча пожал Лявону руку и пошёл следом за зятем. Лявон сидел в замешательстве. Что могла значить вся эта сцена? Почему Рыгор занервничал? Стесняется своего тестя? Опьянение мешало ему думать и даже удивляться как следует. Появился буфетчик, взял пустые бутылки и спросил Лявона, будет ли он доедать пищу. Лявон покачал головой. Буфетчик прибрал тарелки и, взглянув на него, с усмешкой подмигнул в сторону выхода, где только что скрылись Рыгор с татой.

– Так дружат, так дружат!

Голос у буфетчика был тонкий и насмешливый, он явно был не прочь поболтать, но Лявон на сегодня был уже пресыщен общением и промолчал. Ужасно хотелось прилечь и поспать. Он заставил себя подняться и дойти сначала до двери бара, потом до выхода из бани. Там было небо, и ему стало легче.

Глава 4. Как Лявон и Рыгор сговорились

Неделя прошла быстро и незаметно. Но назвать её пустой не повернулся бы язык – настолько жизнь была покойной и приятной. Лявон ходил в институт и обратно, отдыхал на скамейках, читал журналы, пил много сока. Погода стояла неизменно солнечная, с лёгкими белыми следами на небе. К вечеру появлялись облака, и благодаря им закаты были пышными и торжественными. К своему постоянному огорчению, Лявон проживал на третьем этаже, и деревья не позволяли насладиться закатами в полной мере. Всего же этажей было девять, и в один из дней ему пришла в голову здравая мысль: проверить, есть ли выход на крышу. Не откладывая идею в долгий ящик, он поднялся на лифте на девятый этаж, чувствуя приятную необычность и даже таинственность своих действий. Этаж встретил его криво написанной синей девяткой на стене и высокой чёрной дверью справа, закрывающей площадку с квартирами. Лявон прошёл налево, попал на лестницу и стал подниматься, вдыхая сухой запах побелки и бетона. Ступени кончались перед железной лесенкой, ведущей к небольшой ржавой дверце. Никакого замка. Лявон ступил на лесенку и сначала толкнул дверцу, а потом налёг на неё сильнее. Дверь туго и со скрипом поддалась.

Согнувшись и стараясь не задеть головой за железную раму, Лявон вылез на крышу. Когда он распрямился, от восторга у него по спине побежали мурашки. Как же там было хорошо! Много-много неба, и совсем близко, значительно ближе, чем снизу. Огромное облако

вырастало сбоку, светлое, но уже с синеватыми тенями, напоминающими о близости вечера. Он стоял, не двигаясь, чувствуя, как ветерок шевелит ему волосы на голове. Тут дверь скрипнула, и Лявон испугался, что она может захлопнуться и не выпустить его назад. Он решил чем-нибудь её подпереть и, в поисках подходящего предмета или камня, подошёл к парапету, сплошь залитому смолой, чёрной и твёрдой, в некоторых местах блестящей. Парапет доходил ему до пояса и был таким широким, что Лявон даже не чувствовал страха высоты. Вершины деревьев клубились внизу, поодаль стояли соседние дома, а в разрывах между ними виднелись зелёные земли, уходящие к горизонту. Там, наверное, город уже кончался, и Лявона потянуло туда, вдаль. «Отчего же я никогда...» – начал он было думать, но дверь снова скрипнула. Ночевать на балконе не хотелось, и Лявон решил уходить, а на закате вернуться, прихватив с собой сок, складной стульчик и что-нибудь в качестве подпорки для двери. Возвращаясь, он ругал себя за малодушие: разве могла дверь захлопнуться, не имея ни замка, ни запора?

Перед тем, как вернуться в квартиру, он спустился на первый этаж и заглянул в почтовый ящик. Телефон перестал работать несколько месяцев назад, и Лявона предупредили в университете, что теперь официальная связь будет поддерживаться только почтой. Лявон не совсем понимал, зачем нужна почта, если он и так каждый день бывает на учёбе, но завёл себе лояльную привычку ежедневно проверять ящик. Обычно ящик пустовал или содержал никчёмную газетку, но сегодня его ждало письмо от Рыгора. Лявон распечатал его прямо в лифте и прочёл предложение пойти в субботу в баню вместе, но пораньше, в двенадцать, когда в парной ещё чисто и горячо. Лявон порадовался приглашению. Хотя его привычным банным днём было воскресенье, а прошлое субботнее посещение бани не слишком понравилось ему многолюдностью, шумом и грязью, но общество нового товарища перевешивало все минусы. Общительность и активность Рыгора, пусть и простоватая, приятно будоражила Лявона. Это подкреплялось тем, что Рыгор был старше и казался Лявону пожившим, опытным и мудрым.

С приятностью в мыслях Лявон прилёг на диван и вскоре задремал. Закат он проспал, но ничуть не огорчился, поскольку впереди было ещё неограниченное количество закатов – главное, что выход на крышу найден, и путь проложен.

* * *

В пятницу вечером, возвращаясь домой, Лявон нашёл мобильник. Были нежные сумерки, пахло листьями, колыхались тени от фонарей. Телефон лежал у стены кинотеатра, под афишей, рядом с шевелимой ветерком газетой. Лявон, заранее жалея, что телефон пострадал от падения, подобрал его на руки. Наверное, он дорогой, подумал Лявон. Хотя может и дешёвый, я же не разбираюсь. Он попытался посмотреть на телефон глазами хуторянки и остался доволен. Небольшой и плоский, но тяжёлый для своих размеров, спереди металлический, а сзади чёрный, с маленькими узкими кнопками. Теперь надо понять, как его включать. А что, если его засекут, когда телефон включится? Он слышал, что можно запеленговать ворованный телефон. Но сейчас поздно, все связисты спят, милиция спит. Лявон осторожно нажал на цифру 1. Экран телефона тут же засветился фиолетовым, плавно набрав яркость и показывая чёрную единицу. Лявон первый раз в жизни держал в руках телефон и не знал, что с ним делать дальше. Через несколько секунд экран стал гаснуть, и, чтобы зажечь его, он надавил кнопку 2.

В это время со стороны проспекта послышались смех и голоса, потом быстрые шаги. «Это за телефоном», – подсказало Лявону предчувствие. Мелькнула мысль, что можно успеть скрыться с относительно чистой совестью, ведь голоса совсем не обязательно принадлежат хозяевам мобильника, и он не обязан их ждать. Но, гордо отогнав эту мысль, Лявон остался на месте, с досадой и разочарованием ожидая приближения голосов. Экран мягко погас, и Лявон снова нажал на цифру 1. Наконец из-за угла появились двое. Они размахивали банками с алкогольным коктейлем, напевали что-то, смеялись и шутливо дрались. Увидев Лявона, один из них закричал:

– Дружище, спасибо! Как хорошо, что ты нашёл мою трубу! Этот урод Казик толкался, и я её выронил!

Они подбежали к Лявону и благодарили, перебивая друг друга. Он уже отдал телефон и теперь смотрел сквозь их головы вслед удаляющейся хуторянке. Уходя, она посмотрела ему в глаза, и он пытался интерпретировать выражение её глаз: то ли разочарование, то ли одобрение, то ли что-то ещё, едва уловимое. Казик предложил ему коктейль, но Лявон холодно попрощался и двинулся, ускоряя шаг. Через минуту его нагнал хозяин телефона, не-Казик, и сунул ему в руки компакт-диск. «Прости, чувак, больше нечем тебя отблагодарить. Но это очень хороший диск! Обязательно послушай его!» Лявон небрежно кивнул и сунул диск в рюкзак. Его покорило обращение «чувак», и парочка стала ещё более отвратительна. Было и очень жаль телефона, и неприятно от того, что жаль. «Как это унижительно, – думал он по пути домой, – Нуждаться в такой глупости, как телефон, и не иметь возможности обладать этой глупостью». Лоб его хмурился. Он представлял, как Казик и не-Казик оказываются охранниками или кассирами в банке, который они с Рыгором грабят, и он с лёгкой душой сдвигает предохранитель и нажимает на курок.

* * *

В субботу утром Рыгор снова поссорился с татой из-за музыки. Рыгор готовился к походу в баню и уже собрал в синюю спортивную сумку с эмблемой в виде двух скрещённых клюшек всё необходимое: чистое бельё, полотенце, сандалии, шапку и рукавицы. Принёс из ванной шампунь, мыло, мочалку, чёрный кусок пемзы и маленькие ножницы, а из кухни – заранее купленную бутылку «Сябра». Теперь оставалось сходить на балкон, где хранились веники. Он уже решил, что возьмёт с собой старый дубовый, его как раз хватит на сегодня, а потом можно будет сразу выбросить. Рыгор постучал в дверь татовой комнаты и, дождавшись его громкого, но невнятного возгласа, вошёл. Тата, в цветастых пляжных трусах и белой майке, стоял на стуле и доставал с верхней полки пластинку. Под мышками золотились в солнечных лучах пучки волос. Тата откашлялся и сделал приглашительный жест в сторону дивана.

– Присядь, мой юный друг.

– Не, тата, я только за веничком! Сегодня суббота, я в баню.

Рыгор с непринуждённым видом проследовал на балкон. Раздвинув висящие на бельевой верёвке веники, он нашёл дубовый и снял его. Выглянул вниз, во двор: там прохаживались неперенные дядя Василь и дядя Михась. Дядя Василь делал энергичные жесты руками. Тата крикнул, слез со стула и тоже вышел на балкон, доставая из пачки сигарету.

– Выбираю вот, кого послушать, Палестрину или Пёрселла. Чтоб выходные с самого начала хорошо зашли, в правильное горло, – тата засмеялся и чихнул. Рыгор тоже хохотнул для вежливости и из лучших побуждений предложил ему послушать Скрябина.

– Скрябина? – произнёс тата медленно. Опершись на плечо Рыгора ладонью, он выглянул вниз и помахал рукой дяде Василию и дяде Михасю, но те не заметили. – Скрябина только если вместе с тобой, один я с ним не справлюсь.

– Так я ж сейчас в баню иду. Разве что вечером, – отказался Рыгор, вылез из-под тяжёлой татовой ладони и шагнул в комнату. – А вы пока сами попробуйте, не пожалеете. Когда в одиночку, то даже лучше понимаешь.

Навязчивость таты и его манера класть руку на плечо иногда до крайности злили Рыгора. Так и сейчас, он вдруг не удержался и выдал тате обидный анекдот, который до этого не собирався ему рассказывать:

– Слушайте анекдот, тата. У композиторов барокко идёт переключка. – Пахельбель! – Я! – Палестрина! – Я! – Пёрселл! тишина... Пёрселл! тишина... Пёрселл, мать твою разэтак!! – Я! – Ты что молчишь, мудень?! Слух потерял?! Когда называют твоё долбаное имя, ты должен сразу отвечать! Три наряда вне очереди! Понял, тетерев? – Так точно, товарищ Бах!

Тата скривился, как будто в рот ему попала гадость, а выплюнуть её было некуда.

– Отвратительный анекдот! Во-первых, чтоб ты знать хотел, Палестрина к барокко никакого отношения не имеет. Ты б хоть не выставлял своё невежество напоказ.

– Да пофигу, тата. Что Палестрина, что Перголези, всё едино. Вот готовите вы отлично, тата, а в музыке почему-то упорно питаетесь консервами и полуфабрикатами. Вы свежую пищу пробуйте! Пару раз попробуете – и войдёте во вкус. Потом уже консервы в рот не полезут.

Тата снисходительно взглянул на Рыгора и стал разминать сигарету.

– Шутишь? Думаешь, я не знаю Скрябина? Когда-то по молодости я даже сильно увлекался сочинениями этого господина. Но с тех пор прошло много лет, я постарел, и мой желудок уже не принимает манерность. Скрябин? Позёр и ломака с претензиями на космические откровения. Я бы даже так сказал: Скрябин – это последняя стадия болезни под названием «романтизм», когда ткани уже начинают гнить и разлагаться.

Рыгор был уже готов – и возмутиться, и обидеться, и за себя, и за Скрябина, и за романтизм – и спор покатился по застарелой колее.

– А эти ваши Палестрины холодные и пустые! Как завитушки на париках. Золочёные вензеля и вонючие виньетки. Не понимаю, как только уши не вянут? Механическая шарманка!

– И Альбини тебе шарманка? – поднимал брови тата.

– Альбини вообще мудака! – запальчиво отмахивался Рыгор. – Стеклянная игрушка! Ни сюжета, ни содержания!

– И Букстехуде тебе мудака? И Фрескобальди? – деланно поражался тата, чтобы раззадорить Рыгора.

– Всё лучшее, что они понаписали, только тем и хорошо, что местами на Бетховена похоже!

– На Бетховена похоже? Ну, может, и похоже... Но я бы это сравнил с первой морщинкой на лице красавца, которая даже красит его, придавая живости, – наставительно и серьёзно сказал тата и громко высморкался в платок. – Но когда его лицо становится похожим на печёное яблоко... Уродство, друг мой, а не красота.

Рыгор слышал слова таты, но не вдумывался в них, он гнул свою линию. Ему казалось, что его убеждения мощны, как танк, что он сейчас раздавит и сровняет с землёй татовы слабые и нелогичные воззрения.

– Одна только «Неоконченная симфония» Шуберта круче всех ваших напудренных париков, вместе взятых. При всём моем уважении, тата. Вы хоть слушали его?

– По-твоему, страдания по мельничихам заслуживают большего интереса, чем чистая абстракция? – тата зажигал сигарету. Рыгор знал, что сейчас начнутся плевки в пепельницу, и от этого раздражался ещё больше.

– Причём здесь мельничиха? Я вам о симфонии говорю. Но пусть даже и мельничиха, хрен с ним! Мельничиха – это реальная жизнь! Любовь! А все эти ваши канцоны – просто тупые погремушки. У кого нормальной жизни нет и эмоций нормальных, вот тот в погремушки и бренчит.

– Нет уж, сынок, вся жизнь, да и музыка сама по себе намного шире таких эмоций. Вот попробуй, убери из этих песен мельничиху, и что останется? Ничего, кроме зова самца к самке. А ведь должно оставаться. Ты молод, как Шуберт, гормон играет в тебе, – тата подмигнул, – и искажает пропорции мира. Дело даже не столько в сексуальности, сколько в общей антропоцентричности. Ты считаешь человека за точку отсчёта, а ведь он не более как незначительная частность, без которой можно легко обойтись, – тата выпускал дым и сплёвывал.

– Легко обойтись, да? Ну попробуйте!

– Погоди, а завтрак!..

Но Рыгор, красный от гнева, хлопнул дверью и вышел прочь. Проверил, не забыл ли чего для бани. Когда он завязывал шнурки, из комнаты таты уже доносились звуки какой-то дешёвой сарабанды. «Я его когда-нибудь убью, этого старого хрыча! Он просто издевается надо

мною – знает, что я никуда от него не денусь». Рыгор представил тату в парике и лосинах, подпрыгивающим на зеркальном паркете под звуки клавесина, и это немного его развеяло. Сбега по лестнице вниз, он подумал – что он мне парит? Невозможно быть человеком и не быть точкой отсчёта! Разве не человек породил даже эти кастрированные канцоны? И что романтическую музыку тоже можно представить в виде абстракции, только гораздо более сложной, по сравнению с барокко. Но где же, чёрт, взять наконец деньги на квартиру?

* * *

На выходе из подъезда его встретило яркое солнце, и Рыгор с неудовольствием отметил, что уже начал потеть. Дядя Василь и дядя Михась ссорились возле соседнего подъезда: дядя Василь одной рукой держал дядю Михася за верхнюю пуговицу рубашки, а второй потрясал в воздухе. Рыгор удивился силе спора, при котором дело дошло до физического контакта. В другой раз он обязательно поинтересовался бы темой, но сегодня не хотел опаздывать на встречу с Лявоном. Хорошо бы даже пораньше прийти, чтобы успеть правильно прогреть парилку. А с другой стороны, было бы приятно показать ему процесс прогрева во всех деталях. Рыгору очень хотелось произвести на Лявона впечатление. Он повернул за угол дома и столкнулся лицом к лицу с Андроном.

– Здорово, братан! – нараспев протянул тот, останавливаясь и нарочито медленно поднимая руку на уровень плеча, чтобы потом с размаху хлопнуть Рыгора по ладони.

В районе Андрона знали как опасного уголовника. Юность он провёл в колониях, попадая туда то за драки, то за взлом машин и кражу автомагнитол, то ещё неизвестно за что, а теперь занимался, по его словам, бизнесом. Что это был за бизнес, Рыгор предпочитал не интересоваться. Периодически они виделись во дворе дома, болтали о музыке, иногда менялись дисками. Во всём, что касалось музыки, Андрон полностью соглашался с Рыгором и готов был слушать всё подряд, поэтому хоть как-то охарактеризовать его вкус не представлялось возможным. Рыгор даже подозревал, что Андрон вообще не слушает музыку, а интересуется ею из каких-то других соображений.

Но сейчас при виде Андрона Рыгор вдруг понял: нечего раздумывать, надо идти и грабить банк. Мысль была уверенная, твёрдая и уже сразу решённая. Рыгор обрадовался этой решённости и определённости будущих действий. И Андрон встретился очень кстати – это был именно тот человек, у которого можно узнать про оружие.

– Отчего такой грустный? Невесел ты, родной, – от Андрона, как всегда, сильно пахло одеколоном. Короткая стрижка, новенькие кроссовки, спортивный костюм с иголочки, застёгнутый доверху, несмотря на жару. – Давай, поделись проблемами со старым другом.

Они закурили, и Рыгор поведал Андрону, что сил его больше нет выносить звуки клавесина. Андрон отнёсся серьёзно и предложил помощь.

– Клавесин – это просто отстой, Рыгорыч. Нельзя такое терпеть. Хочешь, мои пацаны ему ноги переломают? – он сделал неопределённый, но энергичный жест.

Рыгор поспешно попросил Андрона не трогать тестя:

– Кто ему потом воду будет носить? Мне ж и придётся. Да и вообще человек он неплохой, душевный. Ты мне скажи лучше, где пистолет можно достать? Вот как начнёт тата клавесин слушать, а я его пистолетом припугну! Сразу мозги на место встанут.

Андрон захохотал и предложил шугануть тату гранатой. Смеялся он с отчаянным видом, широко открывая и рот, и глаза, отчего казалось, что смех исходит не от веселья, а угрозы, и что он в любой момент может броситься на собеседника и начать избивание. Рыгора всегда завораживал этот эффект, вот и теперь он снова ощутил притяжение Андрона; чтобы удержаться и не позвать его с собой в баню или в банк, он стал вспоминать сонно-отрешённое лицо Лявона. Насмеявшись, Андрон рассказал про одного знакомого прапорщика из военного городка в Уручье, который увлёкся живописью, собирает альбомы и за хороший альбом может вынести со склада хоть миномёт.

– Ты просто к воротам подойди и кликни его. Зовут Антосем. Он обычно возле КПП ошивается. Как идти-то туда, знаешь? Ну и насмешил ты меня, братан. Я б тебе сам макарова подогнал, но светиться не хочу. Давай! Счастливо.

Андрон, как обычно, резко прервал разговор и пошёл прочь. «Какая удачная встреча! – радовался Рыгор. – Вот и с оружием уже проясняется. Возьму парочку альбомов у таты, обменяю на пистолет, он не обеднеет».

* * *

К этому времени Лявон уже сидел на скамейке неподалёку от входа в баню, перекинув руку за спинку и поигрывая веткой черёмухи. Он не рассчитал время и пришёл значительно раньше уговорённого. Лявон утомился в пути, и мысли о предстоящем горячем паре, духоте, скоплении тел вызывали отвращение. Не пойду в баню, решил он. Намного приятнее наблюдать за белоснежным дымом из тонкой высокой трубы – как его струя медленно поднимается, редет и рассеивается на ярко-синем фоне. Или это не дым, а пар? Тишина ничем не нарушалась, лишь один раз мимо тихой и неуверенной походкой прошёл старичок, с волосами цвета дыма. Лявон сел пониже, чтобы можно было откинуть голову на невысокую спинку скамьи, закрыл глаза и несколько раз глубоко вдохнул запах черёмухи.

* * *

– Эй, Лявон! Ты спишь, что ли? – Лявон проснулся от голоса Рыгора. – Ну ты даёшь! Я думал, ты паришься давно. Пойдём!

Лявон сел, опираясь локтями на колени, и пытался сосредоточиться. Старичок с волосами цвета дыма. Мыться в бане. Грабить банк.

– погоди... – сказал он. – Давай пять минут посидим ещё, я приду в себя.

Рыгор сел рядом и толкнул ногой ногу Лявона.

– Ну как ты, брат? Почему не выспался? Где тебя ночью носило? – вопрос был шуточный, но Рыгор ждал ответа с лёгким напряжением.

– Спал я ночью... Утомился, пока добрался, вот и задремал.

– Ничего, сейчас я тебя так попарю, что надолго проснёшься! У меня сегодня веничек жёсткий.

Лявон кивнул.

– Ну а про банк помнишь ещё? Пойдём банк грабить? – говоря это, Рыгор волновался, что Лявон забыл их предыдущий разговор или теперь воспримет его как шутку.

Но Лявон снова кивнул, с совершенно серьёзным лицом. Рыгору не разобрал, что это было – пассивность или решительность, но решил пока не давить на Лявона и посмотреть, как он будет реагировать дальше.

– Вот и отлично! Я даже насчёт оружия узнал. В ближайшие дни раздобуду. По банку есть предложения?

Лявон водил туфлей по песку и молчал. Рыгор шуточно стукнул его в плечо:

– Просыпайся, чувак! Я говорю, какой именно банк грохнем? Или ты вообще не въезжаешь, о чём речь?

Слово «чувак» покорило Лявона, и он встряхнулся. «И этот такой же. Неужели нет более подходящих слов?» Он твёрдо посмотрел на Рыгора и сказал, что прекрасно во всё въезжает, что ему нужны деньги, и что если «грохать» банк, так уж какой-нибудь большой; в маленьком наверняка и денег мало. И Лявон предложил напасть на главное отделение Беларусбанка, которое находится на Юго-Западе, неподалёку от мединститута.

– Ха, я тоже о нём думал! – Рыгор обрадовался совпадению мыслей. – Несколько лет назад проходил в том районе и видел его. Огромный такой домище, да? Скорее всего, там они бабло и хранят! Но даже если и не там, то потренируемся хотя бы. Хотя бы узнаем, где хранят. Словим какого-нибудь бухгалтера за очко и выпытаем! Как думаешь, в какой день лучше? Давай может в пятницу вечером, точнее не совсем вечером, а после обеда?

Вторая половина пятницы была у Рыгора любимым временем недели. Уже давно он договорился с татой, что во вторник и в пятницу он может гулять с друзьями, пить и ночевать где угодно.

– Не получится. Как раз в пятницу у меня экзамен, и я не знаю точно, во сколько освобожусь.

– Экзамен? Ладно. Экзамен – это серьёзное дело. А по какому предмету?

– Да, надо готовиться... Семестр кончился, и я должен сдать экзамен, чтобы перейти на следующий курс.

Рыгору казалось, что в институте сдают несколько экзаменов по разным предметам, но он не стал уточнять, боясь показаться невеждой. Он немного стеснялся перед Лявоном, что у него нет высшего образования.

– Ладно, договорились! Тогда давай в субботу утром. Потом, может, ещё и в баню успеем,

– Рыгор засмеялся. – Или наоборот, сначала в баню, а потом в банк?

– Нет, после бани уже сил не будет, – с сомнением ответил Лявон.

– Правда. Значит, так: встретимся в следующую субботу в десять у входа в банк и сделаем дело. А потом уже будем расслабляться. Если вдруг что изменится, буду тебе писать. А теперь пойдём! Хватит сидеть!

– Насчёт субботы договорились. А сейчас прости меня, Рыгор, но я наверное не пойду... Нехорошо мне что-то. Вернусь лучше домой, – Лявон предвидел горячие протесты, но ничего не мог поделать с собой, отвращение к предстоящему мытью не проходило. Он хотел домой.

– Как не пойду?! Мы ж собирались! Я ж спешил! – Рыгор был так искренне огорчён, что Лявону стало совестно.

– Наверное, я съел утром что-то не то, – попытался доступно обосновать свой отказ Лявон. – Хочешь, ты парься, а я подожду тебя здесь? Потом пообщаемся.

Но пищевая тема со всеми её трудностями оказалась очень близка Рыгору, и он, соболезнуя и хлопая по плечу, не позволил Лявону ждать его.

– Всё равно ведь пива не выпьешь, когда с животом проблемы. Да я тебя напрягать будет, что ты меня тут ждёшь сидишь. Давай, топай домой, дружище, лечись. Спишемся. Удачи тебе на экзамене!

«Всё-таки он долбанутый слегка, этот парень», – остановившись на крыльце бани, Рыгор смотрел вслед уходящему Лявону. Медленно удаляющаяся фигура вдруг показалась ему одинокой и грустной, захотелось догнать его и сделать что-то хорошее. Но тут дверь в баню распахнулась, и на крыльцо шумно вывалились чистые румяные мужики. Рыгор отвернулся и вошёл внутрь.

А Лявона вдруг посетило странное чувство – как будто он с каждым шагом уменьшается в размерах, становясь всё прозрачнее и легче. Он остановился, помотал головой, прогоняя ощущение, достал из рюкзака сок, напился, и это помогло.

Глава 5. Как Рыгор добыл оружие

Во вторник вечером Рыгор привёл свой план в исполнение. Поздно вернувшись с работы, вяло поужинав пирогом с кукурузой и выпив чаю с ванильными сухариками, он пожаловался тате на расстройство желудка и головную боль. Тата взволновался, расспросил о съеденном и выпитом за день и дал Рыгору чёрную таблетку активированного угля, после чего они обменялись пожеланиями друг другу покойной ночи и разошлись по комнатам. Не включая музыку, Рыгор сел подле закрытой двери в своей комнате и стал, прислушиваясь, ждать, когда тата пойдёт в ванную. Он знал привычку таты подолгу принимать душ перед сном и очень рассчитывал на неё сегодня. Наконец действительно послышался скрип открываемой двери и татовы шаги. Полилась вода; сначала громко, а потом вдруг сразу тише – это тата закрылся в ванной.

Для верности Рыгор подождал в засаде ещё минут пять, чтобы застраховаться от возможного выхода таты, если окажется, что тот забыл взять с собой полотенце или чистые трусы.

Решив, что время пришло, Рыгор медленно отворил дверь и на цыпочках вышел, настороженно замирая. Вода в ванной лилась. Хотя времени на похищение было много, он не медлил. Войдя в комнату таты, схватил стул и поставил к книжному стеллажу справа, благо он хорошо знал, где у таты размещаются альбомы. Взорвавшись на стул, он провёл пальцем по глянцевым корешкам. Какой альбом выбрать из доброй сотни, было совершенно непонятно. Рыгор ткнул пальцем наугад и попал на средней толщины книгу в светло-серой обложке, озаглавленную «Fra Filippo Lippi. Life and Works». В начале шло немного текста на английском, а за ним – цветные иллюстрации с увеличенными фрагментами и комментариями. Картины были в основном на религиозную тему, чуждую Рыгору, но он решил, что импортный альбом должен наверняка понравиться коллекционеру. «Буду просить калаш, а на пистолете сойдемся». Он зажал книгу под мышкой, раздвинул оставшиеся тома так, чтобы не осталось пустот, вернул стул на место, и, выходя в коридор, аккуратно прикрыл дверь. Забежал на носочках в свою комнату, быстро достал из шкафа ту же спортивную сумку, с которой ходил в баню, сунул туда альбомы, обулся и выскользнул из квартиры.

* * *

Смеркалось. На лестнице было уже почти темно, и Рыгор, спустившись на первый этаж, нащупал на стене выключатель и зажёл свет. На лавочке у подъезда сумерничали дядя Василь и дядя Михась. Их спор сейчас переживал спокойную фазу, и был больше похож на разговор по душам.

– Не могу не согласиться, Михась, со значением Толстого, – вполголоса втолковывал дядя Василь. – Но и ты должен признать, что Толстой – не более чем неуклюжий и неловкий ученик Флобера. Неловкий, но при этом обладающий большой физической силой.

– Васи-иль! – с обидой и укором в голосе отвечал дядя Михась. – Да как ты можешь их вообще сравнивать! Флобера, написавшего пару слезливых дамских романов и Толстого – оставившего девяносто томов живой глубокой мысли, философа, просветителя, борца за правду!

– Слушайте анекдот, – сказал Рыгор, заранее улыбаясь. – Заходит как-то раз Набоков в гастроном за пивом и видит: Толстой покупает бутылку водки, а на улице его Флобер ждёт. Набоков удивился и пошёл своей дорогой. На следующий день заходит Набоков опять за пивом и видит: Толстой опять покупает бутылку водки, а на улице его Флобер ждёт. Набоков удивился и пошёл своей дорогой. На третий день Набоков не выдержал и спрашивает у Флобера – почему Толстой всё время водку покупает, а ты ни разу? Флобер отвечает – он «Анну Каренину» с моей «Госпожи Бовари» списал, теперь целый месяц проставляется.

Дядя Василь захохотал, тряся выставленным вверх сухеньким большим пальцем, а дядя Михась от возмущения захлебнулся и несколько секунд молчал, пытаясь набрать в грудь воздуха. И, не дожидаясь отповеди, Рыгор махнул им рукой.

* * *

Рыгор пошёл во всю силу. Опоздать он не мог, поскольку определённый час встречи не оговаривался, но ему хотелось поскорее добраться до места. К тому же он неожиданно словил себя на том, что испытывает страх преследования, ничем не обоснованный. Рыгор посмеялся сам себе: ну кто, кто может гнаться за ним? Но тревожное чувство осталось. Вечером, в полутьме, шлось заметно легче и быстрее. Зажглись фонари, и он стал наблюдать за своей тенью, как она, насыщенно-чёрная, растёт у него из-под ног, бледнеет, растворяется по мере удлинения и, наконец, уступает место новой, от следующего фонаря. Навстречу летели ночные бабочки и какие-то небольшие жуки, целеустремлённые и неслышные, днём он никогда таких не видел. Когда они влетали под свет фонарей, на асфальте можно было заметить их тень, блёклую и бесформенную.

Дорога была несложная, но довольно долгая, ещё длиннее, чем до работы. Пройдя, по ощущению, половину пути, Рыгор вспомнил, что не взял с собой ничего перекусить. Все магазины были уже закрыты, и он ощутил лёгкую панику. Он похлопал себя по карманам и нашёл маленькую мятную конфетку, которую тут же отправил в рот, а фантик сунул назад в карман.

* * *

К воротам военного городка Рыгор подошёл уже полной ночью. Ближайший фонарь не горел, над головой мрачно виселись огромные сосны. Калитка оказалась заперта, кнопки звонка он не отыскал. Сами ворота были очень высокие, из толстых железных прутьев, с острыми декоративными наконечниками сверху. О том, чтобы перелезть через них, можно было и не думать. Он с минуту постоял у ворот, в надежде, что его заметят. Различавшийся впереди КПП был необитаемо тёмным. «Антооооо!» – крикнул он, решившись нарушить тишину. Постоял ещё минуту в надежде быть услышанным. «Неужели Андрон меня обманул? Не мог он этого сделать!» Рыгор был раздосадован. Он зашагал вдоль забора, подумав, что в нём может оказаться какая-нибудь лазейка. Но забор был неприступен, белые бетонные плиты тянулись вперёд и вперёд без единой щели. Пройдя ещё минут десять, Рыгор в отчаянии стал искать в карманах ещё одну конфетку. Он пообещал себе отныне всегда иметь при себе с дюжину конфеток. «А вдруг Антось отходил в туалет, а теперь вернулся? К тому же можно попробовать подлезть под воротами», – он обрадовался этой новой возможности и повернул обратно.

За время его отсутствия ничего не изменилось. Будка КПП темнела за воротами, калитка была закрыта. Между воротами и асфальтом можно было просунуть руку, но не более. Мысль о том, что придётся возвращаться ни с чем, разъярила его. В сердцах Рыгор взялся за прутья и потряс их. Ворота немножко пошевелились. Он поискал глазами замок или запор, но полотна ворот ничем не соединялись. Видимо, они закрывались с помощью электрических толкателей, расположенных в основании. Рыгор попытался раздвинуть створки, и они с большим трудом поддались, образовав щель, в которую он без лишних раздумий начал протискиваться. Сильно прижало живот, но он напрягся и вырвался внутрь. Ворота упруго сомкнулись за ним. «Как всё просто, оказывается. Вот только куртку придётся теперь стирать». В темноте не было видно, испачкалась ли куртка, но Рыгор в этом не сомневался. Он попытался хотя бы отряхнуться. «Хрен с ним, какое дело Антосю до моей куртки? Грязная она или нет, всё равно».

Рыгор подошёл к КПП и заглянул в окно. Там различался стол с неизменными газетой и карандашом, и стул за ним. Дальше была темнота. «Может, он спит на полу? Они же тут военные, а значит спартанцы», – подумал Рыгор и обошёл будку кругом. С дальней от ворот стороны в будке была дверь, снизу освещённая фонарём, а сверху покрытая чёрной игольчатой тенью от ветвей соседней сосны. «Жаль, Лявона нет, уж он бы оценил красоту», – Рыгор решительно потянул дверь. Она была не заперта; свет фонаря и чёрный узор проникли внутрь и легли на пол, частично осветив шкаф у задней стены. «И где теперь искать этого чёртова Антосю?» – Рыгор окончательно разозлился. Он вошёл в будку и пошарил рукой по стене рядом с дверью. Выключатель действительно нашёлся, и загорелся свет. Игольчатый узор исчез, но зато комнатка сразу стала уютной. Рыгор решил ненадолго остаться в КПП и отдохнуть. Вдруг Антось увидит свет и придёт узнать, кто его включил? Он притворил дверь, поставил сумку на пол и, поддавшись наитию, распахнул шкаф. Его надежды оправдались: на одной из свободных от бумаг полок лежала початая пачка мелких пряничков. Он с облегчением сгрёб её, захлопнул шкаф, сунул один пряник в рот и уселся за стол. Пряничек был чёрствый, почти каменный, и пришлось хорошенько пососать его перед тем, как он раскусился. Но это было лучше, чем ничего, и у Рыгора на душе стало спокойнее. Он притянул к себе газету, она называлась «Советская Белоруссия». Рыгор перевернул её последней страницей вверх, но кроссворда не было. Не было его и на предпоследней. «Странно, зачем же тогда карандаш?» Рыгор полистал газету в поисках подчёркиваний или пометок на полях, но всё было чисто. Ящики стола пустовали.

Он жевал прянички и смотрел на жёлто-синее отражение внутренностей КПП в оконном стекле. Слева, со стороны ворот, зеркальность не нарушалось ничем, а справа сквозь отражение шкафа просвечивал фонарь. Рыгор представил, что кто-то смотрит на него снаружи, невидимый и угрожающий. Ему стало жутко, и пряники уже не лезли в горло. Он затолкал остатки пачки в карман, встал и, взяв себя в руки, выключил свет. За несколько страшных секунд, пока палочки в глазах менялись местами с колбочками, футболка прилипла к спине от пота. Наконец резкость навелась, и он увидел за окном всё ту же ночную картину: пустынный отрезок дороги и неподвижные сосны. Ему вдруг пришло в голову, что Антось может следить за ним из-за тёмных стволов, но он заставил себя не думать об этом. Рыгор ещё немного постоял, проклиная Андрона с его советами и свою доверчивость. Ничего не оставалось, как пойти искать Антосю вслепую, полагаясь только на удачу.

Он хлопнул дверью КПП и двинулся вглубь военного городка. Сосны скоро кончились, и вдоль дороги потянулись двухэтажные постройки. Уличные фонари горели исправно, но ни в одном из зданий не светилось ни окошко. «Интересно, что это: казармы, канцелярии, оружейные склады? Есть ли там кто-нибудь? Надо пойти посмотреть, всё равно терять уже нечего. Даже если нарвусь на охрану, придумаю им сказку. Например, что пришёл навестить двоюродного брата и несу ему альбомы посмотреть», – Рыгора рассмешила абсурдность ситуации. Он сунул в рот пряничек и подошёл к ближайшему входу. Перед тем, как потянуть ручку, он осмотрелся и – ура! – заметил на другой стороне дороги, впереди, свет в окне второго этажа. Рыгор поспешил туда. Снаружи не просматривалось, что находится за окном, оно было закрыто жёлтыми занавесками с трогательными кружевными краями. Дверь в здание располагалась как раз под светящимся окном. Рыгор настороженно вошёл, готовясь к неприятностям. Лампочка над входом освещала начало лестницы, ведущей вверх, справа и слева уходили в потёмки коридоры. Он поднялся на второй этаж и сразу опознал нужную комнату по яркой полоске света из-под двери. Рыгор постоял. Внутри слушали бурный финал какого-то скрипичного концерта, и это придало ему смелости. Он постучал. Раздался шум отодвигаемого стула и лёгкие шаги. Дверь открылась, и он сразу узнал Антосю по круглым очкам. Антось оказался именно таким, как и представлялось Рыгору: среднего роста и средних лет худенький, очень опрятный мужчина со светлыми волосами и пшеничными усиками, странными для его лица с мягкими и мелкими детскими чертами.

– Здорово, Антось! Меня зовут Рыгор, я по делу. Тебя мне Андрон посоветовал, – Рыгор думал об испачканной куртке, и ему было неловко.

– Да, знаю Андрона. Заходите, – Антось повернулся и скрылся за занавеской, тоже жёлтой, которая была натянута меж двух шкафов по обе стороны двери.

Антось чем-то зашелестел в глубине комнаты. Рыгор прошёл за занавеску и успел заметить, как тот спрятал что-то в ящик стола. Стол стоял напротив входа, под окном. Справа и слева всё пространство было заполнено серыми картонными коробками разных размеров. «Неужели они набиты оружием?» – порадовался близости цели Рыгор.

– Присаживайтесь, – Антось указал Рыгору на единственный в комнате стул, который стоял у стола. Рыгор поставил сумку на пол и сел, сейчас же ощутив неудобство – он сидел, а хозяин стоял. Но Антось непринуждённо прислонился спиной к нагромождению коробок и ждал, источая чистоту и аккуратность. На нём была тёмно-зелёная военная форма, ещё более стройнящая его, и фривольные жёлтые тапочки.

– Андрон сказал мне, что ты альбомами с живописью интересуешься. Вот я и принёс тебе один редкостный, – несмотря на холодно-официальное обращение Антосю, Рыгор рассчитывал всё же перейти на «ты». Антось молча смотрел на него, и он продолжил. – Смотри, какой классный: Фра Филиппо Липпи! Лифе анд воркс!

Не дожидаясь, пока Рыгор достанет книгу, Антось так же молча пересёк комнату, отодвинул одну из коробок и открыл другую, стоящую за ней. Коробка была полна альбомами.

Антось принялся вынимать их один за другим и вскоре извлёк точно такое же издание Филиппо Липпи.

– Оно?

Рыгор ошеломлённо кивнул.

– Всё, что можно достать в Минске, у меня уже есть. Поэтому спасибо, но не нуждаюсь. Вас что ко мне привело? – Антось стал складывать альбомы обратно в коробку и даже не смотрел на Рыгора, как будто зная заранее ответ.

– Мне два калаша нужны, дружище. Очень нужны, – подчёркнуто расстроенным голосом сказал Рыгор. Он рассмотрел украдкой свою куртку, на груди было несколько чёрно-ржавых полос. В этот момент скрипичный концерт кончился, и наступила тишина. – Это Паганини у тебя играл? Могу дисков тебе принести послушать, у меня много. Раз уж с альбомами такая досада вышла. Или скажи, какие другие книги нужны, я поищу у себя.

Натянута атмосфера уже начала раздражать Рыгора, замелькали обрывки мыслей о насилии над Антосем. Он решил, что сказал уже достаточно, что теперь пусть говорит Антось, если хочет, и повернулся к столу. На нём лежал раскрытый альбом с малопонятными абстрактными композициями. Обе страницы разворота были заполнены переплетающимися цветными пятнами, линиями, точками. Желая рассмотреть абстракции получше, Рыгор поднял альбом со стола, и увидел под альбомом большой лист бумаги с карандашными рисунками котят.

– Это ты нарисовал, братан? Какая красота! – не удержался Рыгор и с восторгом обернулся к Антосю.

Антось выпрямился и стоял, покраснев от смущения. Рыгор догадался, что своим приходом он прервал ночные вдохновения начинающего художника, и спрятаны в столе были скорее всего карандаши. Он положил альбом, взял рисунок в руки и рассматривал. Нарисованных цветными карандашами котиков было с десятков, в основном они сидели, один спал, а один выгибал спину.

– Особенно вот эти трое хороши! Как живые. Такой красавец! – Рыгор провёл пальцем по полосатому боку котёнка, крайнему из трёх, раскрашенному оранжевым и жёлтым. – А щенят можешь?

Антось подошёл, наклонился и робко спросил, который именно красавец. От него пахло одеколоном и чесноком. Рыгор показал красавца.

– Да, это мой любимый, как ты угадал? Щенят тоже могу, но котики мне нравятся намного больше. Если точнее, то котята и щенята равно милы, но зная, кто из них потом вырастет, невозможно относиться к ним одинаково.

– Что ты имеешь в виду? – Рыгор незаметно распахнул куртку так, чтобы грязные полосы на груди не были видны, но в то же время скрадывался живот.

– Я имею в виду то, что из щенят потом вырастают собаки, тоже красивые, но рабские создания, слишком зависимые от человека. В то время как коты безоговорочно, безупречно прекрасны. И если они слегка высокомерны, то это мне по душе.

– А почему ты не заведёшь себе живых котят?

– У меня своя теория на этот счёт, – улыбнулся наконец Антось. Это была его первая улыбка, и она окончательно покорила Рыгора. – Если хочешь хорошо рисовать котят, то нельзя их иметь. Нужно скучать по ним, думать о них. Рисунок с натуры слишком прям и прост, я бы даже сказал – обездушен, неодоухотворен. Причём и внешняя форма его не безупречна, как может показаться на первый взгляд, она лишь сухо повторяет видимое глазу. Подлинная же реалистичность достигается только работой души и сердца.

Рыгор покивал головой. Он держал в руках рисунок и решил непременно выпросить его себе. Для поддержания беседы он спросил:

– Но разве нельзя сделать набросок с натуры, а потом вложить в него душу, когда окончательно дорисовывать будешь?

– Нельзя. Душа должна быть в каждой линии котёнка, начиная с самой первой и кончая самой последней.

Они поговорили ещё минут пять, уже безо всякого напряжения, почти как давние друзья. Потом Антось сам предложил сходить на склад оружия, а на вопрос, что Рыгор будет ему должен, только махнул рукой. Рыгор уже сожалел, что пришёл к Антосю по делу, а не просто так. Славный человек! Но с другой стороны, не приди он по делу, как бы они познакомились? Чтобы идти наружу, Антось снял тапочки и надел сапоги. По его словам, склад находился рядом, минутах в пяти ходьбы. Перед выходом Рыгор спросил, не найдётся ли у Антоса пожевать чего-нибудь. Антось покачал головой и предложил зайти в столовую, которая была в здании напротив.

– Но сейчас же ночь? Там наверное закрыто и нет никого?

– Откроем. Что поесть, найдём. Я тоже почувствовал аппетит, глядя на тебя! Это так романтично – ужинать вдвоём тихой летней ночью.

Вскоре они уже входили в столовую. Антось повернул выключатель, и на потолке загудели и заморгали, зажигаясь, лампы дневного света. В просторном зале тянулись ряды столов со скамейками, а в одном из углов располагалось раздаточное окошко и дверь на кухню. Антось проследовал прямо туда, Рыгор за ним. Они оказались в обширной полутёмной кухне с огромными электроплитами, разделочными столами и холодильниками.

– Готовить, если честно, очень лень, – сказал Антось, – Как тебе нравится такой вариант: мы съедим по тарелочке борща, замечательно вкусного вчерашнего борща, и по шоколадке? Ну и по сто граммов, само собой?

Рыгор охотно согласился на борщ и шоколадку, но выпить с извинениями отказался.

– Если бы пива, тогда другое дело. Водка, она тяжела слишком. Мне ж завтра на работу, даже поспать не успею. Пока до дому доберусь, утро будет, так лучше уж совсем трезвым остаться.

– Зачем тебе домой? Оставайся здесь спать!

– Нет, друг, мне идти надо обязательно, – Рыгор стал объяснять про тату, одновременно думая о том, что хорошо было бы остаться. Но тут же блеснувшая мысль об ограблении и о Лявоне отодвинула всё прочее на задний план. Антось понимающе покивал, открыл один из холодильников и достал кастрюлю, до смешного маленькую по сравнению с полкой, на которой она стояла. Он поставил кастрюльку на конфорку, на которой бы уместилось бы ещё пять таких, и включил плиту.

– Пока будет разогреваться, я схожу за автоматами. Тебе какие? Есть АК-74М и АКС, укороченный.

– Неси укороченные! Мне чем меньше, тем лучше.

– Оптический прицел надо? Ночной прицел? Гранатомёт?

– Нет, это уж слишком, не нужно.

– Смотри, чтоб борщ не вскипел. Если вскипит, цвет потеряет. Я скоро буду, – Антось вышел.

Рыгор взглянул на часы, была половина третьего. Поднёс палец к конфорке, на которой стояла кастрюля, но жара не почувствовал и прикоснулся. Конфорка еле теплела. Мда, пока такая громадина раскопегарится, настанет утро. Он подошёл к холодильнику и потянул за ручку, сначала слабо, а потом изо всех сил. Холодильник с глухим чмоканьем отворился. Внутри стояли рядами банки с тушёнкой и красной фасолью, освещённые слабой жёлтой лампочкой. Рыгор взял две банки фасоли и положил в сумку, рассчитывая съесть их на обратном пути. Стал искать вилку, чтобы тоже прихватить её с собой, не есть же фасоль руками. На разделочном столе лежали несколько ножей и черпак. Заглянул под крышки огромных чанов по соседству с плитой; они были пусты и слабо пахли металлом. Всё было пыльное, похоже, кухней не пользовались.

Рыгор привык ночью спать, и теперь чувствовал, как странно работает голова: особенная чистота и ясность мысли странным образом сочеталась с непоследовательностью и нелогичностью: например, ему почему-то стало очень смешно при виде коллекции колбасных этикеток, наклеенных сбоку плиты. Все этикетки были круглые или овальные, и непременно красные или розовые. Он вышел в зал столовой и наткнулся там на целый поднос с ложками и вилками. Потом присел за один из столов у окна. Стол был накрыт клетчатой клеёнкой, серые клетки перемежались с розовыми, и на их стыках рождались красные полоски. На углу клеёнка прохудилась, и виднелись белые волокна её тканевой основы. Рыгора сильно клонило в сон, и, чтобы не поддаться, он встал и снова пошёл на кухню. Под кастрюлей уже начало шипеть, потянулся сладковатый съедобный запах. Рыгор голодно сглотнул.

Хлопнула дверь и послышались шаги. Вошёл Антось. Он снял с плеча два автомата и протянул их Рыгору, а к его ногам поставил синий полиэтиленовый пакет с надписью «Nivea».

– В пакете патроны. Пользуйся. Как наш борщ? Судя по запаху, его пора съедать. Выбери-рай стол, а я разолью.

Рыгор тёр глаза и зевал. Он спрятал оружие в сумку, отстранённо подивившись собственному безразличию и нежеланию даже подержать автоматы в руках. Он послушно вышел в зал и сел за ближайший стол; теперь ему попалась клеёнка с веточками чёрной смородины на фоне сине-жёлтой клеточки. Через минуту появился Антось с подносом в руках, на нём стояли две глубокие стальные миски с борщом, блюдо с дюжиной зубчиков чеснока и неполный стакан водки.

– Ты как хочешь, а я выпью. Тогда моя муза проснётся и прилетит на запах. Алкоголь и чеснок! – Антось отпил полстакана. – Кстати говоря, у древних греков нет музыки изобразительных искусств. Но всё равно кто-то просыпается внутри!

Рыгор засмеялся шутке и принялся за борщ. Основной его составляющей была фасоль, но оголодавшему Рыгору даже понравился такой вариант. Он глотал горячий борщ, немного досадуя, что нет сметаны, и смотрел на Антося, как тот слегка наклоняет голову к каждой ложке, как ходит у него под кожей небольшой аккуратный кадык. Антось почему-то не ел гущу, а только сцеживал в ложку бульон. «Наверное, он потом её отдельно съест», – подумал Рыгор.

– Ты почему чеснок не берёшь? – в свою очередь заметил Антось.

Сам Антось съел уже зубчиков пять, не меньше. Рыгор отвечал, что не очень любит чеснок из-за запаха, который потом остаётся.

– Совсем не ешь чеснок? – Антось с удивлением покачал головой. – Как же тебе тогда удаётся что-то понимать в изобразительном искусстве?

Рыгор принял это за очередную шутку, и хотя она показалась ему неуклюжей, он вежливо хохотнул. Антось допил водку и начал рассказывать, что хороший чеснок купить невозможно, лучше всего выращивать его самому, и для этой цели он специально разбил грядочки возле стадиона. Но вырастить правильный чеснок тоже непросто.

– Могу научить тебя, как правильно за ним ухаживать. Зачем набивать себе шишки, если можно перенять чужой опыт. Заходи как-нибудь в светлое время, покажу грядочки.

– Обязательно зайду на следующей неделе, – согласился Рыгор, думая про себя, что и впрямь бы зашёл, если бы не этот навязчивый чесночный запах изо рта у Антося.

– Да, приходи в любой день! Я здесь всегда, – Антось отложил ложку и сидел, подперев голову кулаком. Блюде было пусто. Рыгор помнил, что речь шла ещё и о шоколадке, но взял себя в руки и счёл за лучшее не упоминать пока о ней, ведь Антось и без того очень ему помог. Совесть надо иметь. Лучше поговорить о другом.

– Почему ты свои альбомы хранишь в коробках? Устроил бы себе полки или стеллажи?

– Всё очень просто – чтоб не пылились. Терпеть не могу вытирать пыль с книг.

– А почему ты на абстрактные картины смотришь, когда рисуешь котят? Что это за художник?

– Кандинский... Так просто смотрю, вытащил из одной коробки случайно. Изучаю его последние несколько дней. Что-то в нём трогает меня, но определить, что именно, пока не могу, – Антось стал задумчив. Видимо, он тоже захотел спать.

– Слушай анекдот! – подмигнул ему Рыгор. – Позвал однажды царь Левитана, Петрова-Водкина и Кандинского и велел, чтоб нарисовали ему по картине, за царское вознаграждение. Левитан нарисовал пейзаж с монастырём на берегу реки, и царю так понравилось, что он наградил Левитана десятью сундуками с золотом. Петров-Водкин нарисовал портрет царской дочери с ликом Богородицы, и царю так понравилось, что он выдал принцессу за Петрова-Водкина замуж. А Кандинский нарисовал абстрактную композицию. Царь смотрел-смотрел и говорит – это что? Кандинский отвечает – вот эти линии образуют замкнутую область, антагоничную по отношению к фону, а вот этот круг увлекает зрителя в плоскость и является центром восприятия; короче, это картина. Царю понравилось, и он даёт Кандинскому половину морковки. Кандинский говорит – это что? Царь отвечает – вот это оранжевая ось, подавляемая твёрдой поверхностью, а вот это растущие из неё зелёные отрезки; короче, это полцарства.

Антось кивнул, показывая, что понял анекдот, но даже не улыбнулся. Рыгор решил, что пора идти. Он встал и коротко, но душевно поблагодарил Антосю, пожелал покойной ночи и попросил не провожать. Антось сидел и кивал, похоже, у него даже не было сил встать. Рыгор забросил сумку на плечо и пошёл к выходу. В дверях он обернулся и увидел, что Антось спит, положив голову на руки.

Глава 6. Как Лявон сдавал экзамен

В пятницу у Лявона был экзамен. Всю неделю он усиленно готовился к нему, рано вставая и поздно ложась. В течение семестра преподаватель Адам Василевич выдал ему два десятка книг, назвав каждую очень важной и обязательной для прочтения. Изучить их все за неделю не было никакой возможности, и Лявон внедрялся в книги наугад: открывал в случайном месте, внимательно просматривал пару страниц, а затем перелистывал сразу четверть или половину тома. Таким образом он рассчитывал равномерно познакомиться со всем материалом, пусть и не полностью. Лявон очень утомлялся и, чтобы развеяться, в середине дня полчаса прогуливался по улице, а на закате брал табурет, пакетик сока и выбирался на крышу. Но несмотря на предосторожности, к пятнице в нём накопилась сильная усталость, и, проснувшись, Лявон испытал очередной приступ скверного настроения.

Он лежал и традиционно думал о несправедливом устройстве мира и его грязных сторонах. «Как это унижительно, – его губы брезгливо кривились, – что вдыхать воздух приходится тем же местом, что и выдыхать использованный. Хорошо хоть для пищи и кала с мочой есть отдельные каналы. Всё могло бы быть намного хуже». Он морщился, представляя себе созданные экспериментирующим божеством вариации на тему выделительных каналов. Каждый завтрак или ужин вскоре оборачивался бы кошмаром для нежной человеческой психики. С другой стороны – психика привыкла бы и не была столь нежной? Размышления сопровождались яркими и отвратительными фантазиями, отогнать которые никак не получалось.

В конце концов Лявон прервал их радикально, отбросив одеяло и встав с кровати. Пружины заскрипели. «На что похож звук пружин? – полезли в голову новые, уже не такие мрачные раздумья. – Среднее между электрогитарой и скрипкой? Да... А что, если?... Концерт для кроватных пружин и виолончели? Можно было бы снять обивку, обнажить каждую из пружин и получить довольно гибкий по звучанию инструмент. Или они, обретя свободу от обивки, перестали бы скрипеть?» Лявон стоял посреди комнаты и смотрел вполоборота на кровать: одеяло и простыня застыли в сложном взаимодействии, проникая друг в друга складками. Мысли без перерыва цеплялись за всякую чепуху. Что ж, не самое удачное состояние для экзамена, но деваться некуда. Усилием воли он заставил себя методично одеться, не задумываясь ни о

чём, хотя соблазнов было множество. Например, царапины на ножках стула, имеют ли они закономерность? Художественную ценность? Стоп! Против этих жидко растекающихся мыслей нужно было срочно что-то предпринять. Он взглянул на часы: шесть утра. Времени до выхода ещё оставалось довольно много. Поглажу.

Лявон раскрыл шкаф и провёл рукой по плечикам с рубашками и брюками. Все три пары его брюк были чёрными и отличались только степенью изношенности. Из десятка рубашек половина лежала на полке невыглаженными после стирки, а из висевших и готовых к употреблению остались только полосатые и клетчатые. Сегодня в честь экзамена Лявону хотелось надеть белую. Он выбрал рубашку с двумя карманами на груди, разложил её на диване и включил утюг. Лявону нравилось гладить: вдыхать плотный пар, поднимающийся от раскалённой ткани, охотиться за мелкими морщинками. Тем не менее, безупречно выгладить ни рубашку, ни брюки ему никогда не удавалось, при каждом неосторожном движении утюг норовил создать резкую складку, стереть которую потом уже не получалось. Вот и теперь, устав бороться с правым рукавом, он бросил гладить и надел приятно тёплую рубашку как есть. Аккуратно заправил её в брюки и снова посмотрел на часы. Шесть пятнадцать. Почитаю наугад – а вдруг как раз оно и пригодится на экзамене?

Припоминая, какая из книжек была читана реже других, Лявон перекладывал их из стопки в стопку, взвешивая каждую в руках. Он остановился на «Методическом пособии для обучающихся в Политехническом Университете», книжице в пятьдесят жёлто-серых страниц, в сырой бумажной обложке. Изогнув край методички между двумя пальцами, он упругим веером перелистнул наугад шероховатые страницы, попал примерно на середину и стал читать с последнего на развороте абзаца.

«Таким образом, мы считаем, что развитие техники и занятия техникой не только не противоречат внутреннему росту человека, но способствуют ему. Привычка к математически точному мышлению благоприятствует внедрению как в частную, так и в общественную жизнь индивида чётко структурированных и основанных на логике способов бытия. Индивид: а) целеполагает, соотносясь с реалиями; б) осознанно движется к цели, используя ясную причинно-следственную методику; в) достигнув оной, выходит на новый виток целеполагания.

Вопросы для самостоятельного размышления:

1. Возможна ли ситуация, в которой индивид, достигнув цели, убеждается в её ненужности и даже вредности?
2. Конечны или бесконечны целевые циклы?
3. Следует ли из цикличности целеполаганий их тщетность?»

Лявон отвёл глаза от методички и задумался о целях, которые стояли перед ним в ближайшее время. Сдача экзамена? Она была в высшей степени нужной и полезной, потому что в случае неудачи он снова оставался на второй год. Ограбление? Оно тоже не тщетно, поскольку влечёт за собою владение деньгами, а значит, велосипедом, телефоном и верным успехом у хуторянки. Лявону вдруг стало гадко, как становилось всегда при прямых мыслях на эту тему. «Не низость ли предположение, что её расположение ко мне может зависеть от факта обладания мною предметами? Достаточно взгляда её, чтобы подобные мысли отвалились, как высохшая грязь отваливается от туфель». Сравнение с грязью также показалось ему низким. Её тёмные глаза смотрели на него одновременно серьёзно и насмешливо, будто уже давно знали всё то, что он мог и сделать, и помыслить, и почувствовать.

В семь Лявон отложил методичку в сторону, взял рюкзак и вышел.

* * *

Пересекая университетский двор, Лявон вспомнил, что только пристрастие к ежедневному чтению научно-популярных журналов и привело его сюда когда-то. Как давно это было! Вступительные экзамены и первые годы учёбы казались ему теперь туманно-далёкими, даже не прожитыми, а увиденными во сне или прочитанными. Только первый визит в универси-

тет запомнился Лявону ярко: он стоит в холле главного корпуса перед огромным перечнем факультетов и специальностей и разочарованно читает их скучные сухие названия, не имеющие ничего общего с богатой и насыщенной жизнью учёного или изобретателя. Выбрать было абсолютно не из чего. Лявон с тоской огляделся по сторонам, надеясь увидеть где-нибудь в стороне ещё один перечень, дополнительный, со специальностями вроде «конструирования домашней техники» или «внедрение бытовых инноваций». Лявон ещё раз перечитал список кафедр и уже начал склоняться к уходу и поиску другого университета. Возможно, там ему повезёт больше, и подходящая профессия отыщется.

На счастье, мимо проходил Адам Василевич, кандидат наук и доцент. Заметив новичка, он параболически изменил свою траекторию и, стуча каблуками по паркету, приблизился к Лявону. Вкратце расспросив его и выслушав застенчивые пожелания, Адам Василевич с жаром проповедника принялся убеждать Лявона, что он попал точно по адресу, а за плоскими и расплывчатыми названиями таится сокровищница инженерной мысли. Вдохновляясь всё больше и больше, Адам Василевич прикрывал глаза, складывал пальцы колечком и с придыханием произносил имя той или иной специальности, напоминая своим видом сомелье, описывающего оттенки вкуса редкого сорта винограда. Лявон смотрел на его гладко причёсанные волосы и верил, и проникался. Адаму Василевичу удалось заразить Лявона своей страстью и донести до него музыку политехнических словосочетаний: «Соппротивление материалов и теория упругости», «Металлургия литейных сплавов», «Автоматизация технологических процессов и производств».

Они остановились на поэтической «Теории механизмов и машин». «Да. Трудно было бы сделать лучший выбор, – Адам Василевич развёл руками и поднял глаза к высокому потолку. – Эта специальность позволит вам стать как практиком, так и теоретиком-исследователем. Многие выпускники работают сейчас в Академии наук». Лявон попросил несколько дней на размышление, но Адам Василевич веско заметил, что набор на кафедру заканчивается, и Лявон рискует потерять целый год из-за своей нерешительности.

В тот же день Лявон прошёл собеседование и был принят в университет.

* * *

Лявон поднялся по ступеням и толкнул одну из огромных дверей. Его всегда удивляло, насколько эти двери хорошо сбалансированы: при размере в два человеческих роста и внушительной толщине они открывались без особых усилий. Как обычно, после яркого солнца снаружи показалось, что холл погружён в полумрак. Слева, над пустующим гардеробом, зеленели цифры электронных часов; было без пяти девять. Напротив входа располагалась широкая лестница, ведущая на верхние этажи, а перед ней стоял стенд с расписаниями занятий и экзаменов. Лявон пошёл к нему, слушая, как его шаги отдаются сложным эхом от потолка и далёких стен. Глаза уже привыкли к освещению, и он увидел Адама Василевича, который прикреплял к стенду объявление. Лявон поприветствовал его. Тот коротко кивнул головой, указал на своё объявление и, отвернувшись, поспешил вверх по лестнице. Адам Василевич обычно носил светлые рубашки с коротким рукавом, а сегодня в честь экзамена надел строгий тёмно-серый костюм, кирпично-красную сорочку, пёстрый галстук в тон и чёрные лаковые туфли. На чёрных носках, выглядывавших наружу при подъёме ноги на ступеньку, Лявон заметил синие полосы. Лявон представил, что время вдруг замедлилось, и быстрый шаг Адама Василевича по ступеням превратился в плавный полёт, едва заметный глазу, как движение минутной стрелки. Лявон нагибается и рассматривает синие полосы близко. И может даже дотрагивается до них. Каковы его носки на ощупь? Лявон тряхнул головой и стал читать объявление.

«Экзамен состоится сегодня в 9-00. Аудитория 304». Объявление было написано синей авторучкой на листке в клеточку. Лявон оценил правильность почерка Адама Василевича, ненадолго задумался, покупал ли тот специально тетрадку, чтобы выдернуть из неё листок для объявления, прочёл его ещё раз и, наконец, ступил на лестницу. Нужно было подняться на тре-

тий этаж. Лявон знал твёрдо, что первая цифра в номере аудитории означает этаж. Ему никто этого не говорил, но однажды догадка снизошла на него свыше, как откровение. Лявон много раз проверял теорию первой цифры на практике, и она работала чётко, без исключений. Тайное знание внушило ему некоторую гордость за себя, но ненадолго: секрет второй и третьей цифр ему разгадать не удавалось, сколько ни ломал он голову. Спрашивать же Адама Василевича не хотелось; решение могло оказаться столь простым, что стало бы стыдно за своё тупоумие.

На третьем этаже Лявон немного поколебался, направо идти или налево, и пошёл по коридору налево. С одной стороны коридора тянулись окна, с другой – двери в аудитории, окрашенные серой глянцевой краской. Номера начались с 330 и теперь понемногу уменьшались. Коридор ещё раз повернул налево, и вскоре Лявон увидел дверь с номером 304 и приклепленным листком в клеточку с надписью «Экзамен».

Он достал из рюкзака пакет апельсинового сока и отпил для храбрости несколько глотков. Постучался и потянул дверь; она открылась не сразу, но после приложения некоторого усилия, казалось, что она слегка прилипла к косяку. «Наверное, это от краски. Дверь покрасили толстым слоем, и зазоры уменьшились до плотного прилегания. К тому же краска глянцевая, а глянец склонен липнуть к гляncу», – раздумывал Лявон, приоткрывая и снова закрывая дверь.

– Лявон! Это вы? – громко спросил из аудитории Адам Василевич. – Что вы там делаете? Заходите.

Голос Адама Василевича, как всегда, имел особую интонацию, придающую любым произнесённым словам оттенок скепсиса и сопровождающуюся лёгкой полуулыбкой-полунасмешкой, то ли над собеседником, то ли над темой разговора. При первом знакомстве Лявон не заметил этой манеры; когда же начались лекции, она произвела на него как раз то впечатление, на которое и была рассчитана: Адам Василевич показался ему умудрённым, опытным и всезнающим. Но постепенно чары развеялись, и Лявон стал отличать маску от скрывающегося за ней человека, не слишком мудрого и даже не очень умного, но зато безобидного, а в некоторых проявлениях трогательного и милого. Он от души любил свою работу и на лекциях часто достигал того вдохновения и душевного подъёма, которое делало его похожим на страстного сомелье, как в день первого знакомства с Лявоном.

Лявон собрался с духом и вошёл. Вглубь и вверх аудитории уходили широкие ступени с партами, а за ними, наверху, в самом конце аудитории, светились солнцем большие окна. Он приблизился к подиуму справа от двери, на котором стояла кафедра и стол. Над столом склонился Адам Василевич, раскладывая билеты.

– Снова спите? Давайте сюда зачётку. Тяните билет! – Адам Василевич уселся за стол, сцепил на животе ладони и иронично смотрел на Лявона. – Напомню правила: если отвечаете сразу, без подготовки, то получаете оценку на один балл выше.

Билеты представляли собой всё те же странички в клетку, их было около десяти. На некоторых выпукло проступали следы написанных на обратной стороне слов. Лявон представил, как Адам Василевич в уютной полосатой пижаме сидит вечером на кухне и пишет в тетрадку вопросы к экзамену, отрывая страницы по мере написания. Или сначала отрывает, а потом пишет? На скатерти? Этим могли бы объясниться отпечатки слов сквозь бумагу. Пьёт он перед сном чай или горячее молоко? Поколебавшись, взять ближайший билет или один из средних, с неровно оторванным уголком, Лявон потянул средний.

«Билет №61. Общие итоги семестра². Что сказала Марыся Миколаевна через год после нашей свадьбы³. Три причины грусти»

Адам Василевич велел прочесть билет вслух. Выслушав, кивнул и напомнил Лявону ещё одно правило: билет можно заменить, но при этом оценка понизится на два балла. Лявон разочаровал Адама Василевича, не выразив желания ни отвечать без подготовки, ни тянуть повторно. Хотя он знал точный ответ только на второй вопрос, опыт предыдущих экзаменов подсказывал ему, что новый билет может быть ещё более неудачным. Вопросы не пугали его, и

это было уже хорошо. Третий вопрос даже понравился ему. Взяв у Адама Василевича чистый листок и авторучку, он поднялся на несколько ступеней и присел на край парты, глядя в билет. Адам Василевич встал и прошёлся по подиуму.

– Пусть вас не удивляет, что я включил в билеты вопрос о словах моей супруги, Марыси Миколаевны, произнесённых на годовщину нашей свадьбы. Понимание высказанной ею мысли очень важно для любого образованного человека. Я твёрдо помню, что рассказывал об этой мысли в моих лекциях, и если вы слушали внимательно, то не могли не запомнить её, – он с усмешечкой посмотрел на Лявона.

«Любовь – это высшая цель каждого человека», – Лявон прекрасно знал эту бессмысленную фразу супруги Адама Василевича, тот останавливался на ней раз двадцать. Адам Василевич любил отвлечься от темы лекции и рассказать о своей жизни и о своей жене. Слушать его Лявону нравилось, жизненные перипетии Адама Василевича не отличались бурностью, но были заняты, как и любая тема в его изложении. Он был хороший рассказчик, эмоциональный и увлекательный, умело погружающийся в детали и нюансы, но не погружающийся в них. Например, он очень живо и ярко описывал свой семейный быт: волнующую покупку первого автомобиля, анекдотические отношения с тещей, перебранку с соседями, традиционное квашение капусты, походы в обувной магазин, тяжбу с нерадивыми кровельщиками, из-за которых у него текло с потолка и множество других незамысловатых, но весёлых происшествий.

Развевшись рассказом, Адам Василевич насколько возможно серьёзней и произносил в очередной раз сакральное изречение супруги, после которого делал многозначительную паузу. Предполагалось, что Лявон, как любой образованный человек, всё понимает, и объяснения излишни. Однако Лявон не понимал, и после ряда попыток отчаявшись проникнуть в суть этих слов, просто забавлялся контрастом между серьёзностью фразы и насмешливой манерой лектора, которой он не изменял даже теперь. Получалось, что Адам Василевич подшучивает над словами супруги, сам того не замечая.

Записав требуемую фразу на бумагу, Лявон перешёл к первому вопросу. Каковы итоги семестра? За этот семестр Лявон ещё более глубоко изучил жизнь Адама Василевича, его взгляды на общество и политику (он сам называл их демократическим социализмом), науку (он почитал превыше всего физику и механику, ссылаясь на связь между прогрессом техники и уровнем жизни), искусство (предпочтение отдавалось фотографии), религию (личный Бог отрицался, но предполагалось существование высших цивилизаций на других планетах, периодически направляющих ход земной истории), здоровье (основой его считались соблюдение распорядка дня и правильное питание) и спорт (самым гармоничным видом спорта был признан биатлон). Лявон педантично переписал всё это на листок, в конце немного напрягшись над биатлоном. Он всегда путал биатлон с баскетболом, пока однажды не узнал, что по-английски «бол» значит «мяч», и отсюда следовало, что в баскетболе играют с мячом, в то время как в биатлоне никакого мяча нет. Чтобы не ошибиться, ему каждый раз приходилось восстанавливать эту логическую цепочку в памяти.

Лявон поднял голову от своих записей и поискал взглядом Адама Василевича. Он, сцепив руки за спиной, стоял в конце зала, у окна и смотрел на институтский двор. «Что же это за три причины грусти? – силился Лявон, – неужели я их проспал?» Но просыпание было маловероятным, Адам Василевич относился к лекциям ревностно и не позволил бы Лявону спать. «И вообще, неожиданно слышать от него о грусти. По вопросу даже и не поймёшь, как он относится к грусти, порицает или сам подвержен? Не представляю, как вообще он может грустить. Неужели грустит и сейчас, глядя в окно? По жене? Да, верно, это хороший вариант. Она сидит дома и любит его, а он скучает по ней, грустит и ждёт вечерней встречи». Лявон записал на листок первую причину грусти: разлука с близким человеком. Потом подумал и подставил вместо слова «человеком» слово «существом», вспомнив пенсионеров с собаками, гуляющими по аллее. Они тоже могли бы грустить в разлуке с собаками. Подумал ещё и снова

написал «человеком». Потому что Адам Василевич мог бы обидеться на то, что его жену называют существом, пусть и косвенно.

«Далее. Второй причиной грусти несомненно являются метафизические размышления. Когда начинаешь понимать, насколько унижительно устроен мир, поневоле предаёшься грусти. Человек суетится, копошится, страдает и умирает... Но только понравится ли такой ответ Адаму Василевичу? Ничего, если не понравится, я ему объясню». Довольный своим продвижением по ответам, Лявон откинулся на спинку парты и посмотрел вверх, по привычке ожидая увидеть небо и дружественные облака, но сверху был равнодушный белый потолок.

– Смотрим в потолок? Считаем ворон? – заметил его движение Адам Василевич. Он стал спускаться по проходу вниз, тукая по ступеням твёрдыми каблуками туфель. – Если больше ничего написать не можете, то выходите и приступайте к ответу. Зачем тянуть время?

– Сейчас, мне уже немного осталось, – Лявон опустил голову.

«Уж нет ли в этом вопросе о грусти подвоха? Вдруг и в самом деле не было в лекциях ничего подобного, а он теперь хочет меня подловить на жульничестве и выдумывании ответов? Так что же, встать и сказать, что о грусти ничего не знаю и не слышал? Нет, рискну, напишу». Лявон сосредоточился на третьей причине. Теперь нужно что-то близкое взглядам Адама Василевича. Может ли проистекать грусть от пренебрежения к спорту, или даже конкретно к биатлону? Нет, это слишком в лоб, надо расширить. Скажем, пренебрежение к здоровому образу жизни, включающему в себя игры в мяч, здоровую пищу и режим дня. Стоп, мяч здесь лишний; не мяч, а катание на лыжах. А интересно, если одновременно бежать на лыжах и предаваться метафизической грусти? Катиться по пустым полям с пилочкой леса на горизонтах, на хутор. Бывает ли грустно хуторянке? Наверное да, ведь вряд ли она играет в мяч. То есть вряд ли бегает на лыжах. Хотя почему бы и нет, цветные ленты в волосах и большой полосатый мяч. Она подбрасывает его к облакам и смеётся. Тёплый ветер раздувает сарафан. Трава. Мысли его уже путались, а голова опускалась всё ниже.

Проснулся он от окрика:

– Лявон! Вы что, спите? Ну-ка вставайте и идите отвечать! – Адам Василевич рассерженно хмурил брови, стоя у доски, но лицо его было не в состоянии принять полностью серьёзный вид и жило своей жизнью: уголки губ сами по себе усмехались, уголки глаз собирались в морщинки.

– Я ещё минуточку! – виновато попросил Лявон.

– Нет уж, хватит! Выходите.

Лявон выбрался из-за парты. Ужасно хотелось зевать, но он сдержался, крепко потерев пальцами переносицу. Кто-то сказал ему однажды, что это помогает против чихания, так почему бы не попробовать и против зевоты? Помогло. Положив билет на стол, он стал пересказывать ответ на первый вопрос, сверяясь по бумажке и стараясь на ходу добавить к написанному ещё что-нибудь. Лявону удалось необычайно растянуть свою речь, он говорил минут пять. Адам Василевич слушал и одобрительно кивал. Когда Лявон закончил, остановился и вопросительно посмотрел на него, он сделал ладонью жест, приглашающий к продолжению. «Значит, нареканий нет. Двигаемся дальше». Для ответа на второй вопрос Лявон избрал другую тактику: произнёс с выражением супружескую фразу и замолчал, глубокомысленно глядя Адаму Василевичу в глаза. Однако его глубокомысленность не нашла ответа, вместо похвалы Адам Василевич растянул губы в насмешливую улыбку:

– Вы плохо слушали, Лявон. Не «любовь – это высшая цель каждого человека», а «высшая цель всякого человека – осознать любовь»! Огромная разница, молодой человек, огромная! Не просто любовь, вон синички за окном тоже друг друга любят. Не просто любовь, а именно осознанная! О-со-знать любовь! Эх вы... А я полагал, вы понимаете. Я полагал, вы хотите работать в Академии наук. Что ж, каждому своё. Давайте третий вопрос.

Лявон так удивился, что не стал возражать и спорить. Он откашлялся и неуверенно изложил свою версию двух причин грусти. После короткой запинки он развёл руками и пожаловался, что начал описывать третью причину, но не успел, а теперь от волнения забыл.

– Очень плохо! Вот что значит просыпаться и опаздывать на лекции, – сказал Адам Василевич. – Так вот, запомните: первая причина – наследственность. Если родители страдали унынием, то и ребёнку передаётся эта хвороба. Вторая причина – малоподвижный образ жизни и нелюбовь к спорту, влекущие за собой застой как в членах, так и в мозгу. Кровоснабжение мозга ухудшается, и он начинает негативно реагировать на окружающую действительность. По аналогии с болью, являющейся индикатором неполадок и поломок в организме, грусть можно рассматривать как сигнал о неверной работе сознания и психики. Третья причина грусти происходит из второй, но лежит уже в общественной сфере: в человеке укореняется грусть, если он не имеет чётких жизненных целей и не понимает свои задачи. Вкратце так. Понятно?

Лявон послушно кивнул.

– Итак. Вы ответили только на один вопрос из трёх, а значит, провалили экзамен, – Адам Василевич уже складывал билеты в свой чёрный кожаный портфель. – Вам придётся прослушать весь курс повторно. Тем не менее, у вас впереди небольшие каникулы. В понедельник утром принесёте учебники, которые я вам выдал, и потом две недели отдыхаете. Практика в этом году под вопросом. Я уже дважды писал на телефонную станцию Пилипу, который был вашим руководителем в прошлом году, но он пока ничего не ответил. На днях схожу туда сам и поговорю с ним. В крайнем случае, вместо практики устроим дополнительные занятия. А пока можете отсыпаться! Но не забывайте о режиме дня.

Адам Василевич внимательно посмотрел на Лявона с высоты подиума и направился к двери. «Позовёт ли в гости?» – думал Лявон, рассматривая зачётку. Адам Василевич иногда звал его к себе в гости после занятий, но Лявон всегда отказывался, ему вдосталь хватало общения на лекциях. Чтобы Адам Василевич не обижался, Лявон говорил, что у выхода из университета его ждёт тётушка, и это действовало безотказно.

Но на этот раз Адам Василевич ничего не предложил. Тук-тук-тук, сделали его каблук по паркету, открылась дверь, и снова тук-тук-тук, затихающий в коридоре. Лявон вспомнил, что забыл отдать ему авторучку. Он поднялся к верхнему окну, на то место, где стоял Адам Василевич. Небо закрывала густая листва росшего под окном тополя, и на стекло падала её подвижная мозаичная тень. Он наблюдал тень и прислушивался к своей приятной усталости и приятному сознанию двухнедельной свободы впереди. Он снова не сдал экзамен, но это давно вошло у него в привычку и не огорчало. Лявон вернулся к парте, в которой остался рюкзак, и присел отдохнуть перед дорогой домой. Положил рюкзак на парту, руки на рюкзак, голову на руки. Его нос оказался в нескольких миллиметрах от рюкзака, он пахнул спокойно и чуть кисловато. «А как пахнет тот большой полосатый мяч, который подбрасывала она?» – проплыла прозрачная мысль, и Лявон заснул.

Глава 7. Как Рыгор искал Лявона

Субботним утром, в девятом часу, Рыгор уже подходил к банку на проспекте Дзержинского. Вчера он специально пораньше лёг спать и теперь, несмотря на долгий путь от дома до банка, чувствовал себя свежим и бодрым. Приблизившись к огромному зданию, облицованному серым гранитом и зеркальным стеклом, с колоннами, арками, лестницами, террасой, мостиком, и, убедившись, что перед ним и в самом деле банк, Рыгор порадовался счастливому случаю, благодаря которому он несколько лет назад проходил здесь и запомнил место. Кроме того, как и говорил Лявон, банк оказался не просто банком, а Минским Управлением, что превосходило все ожидания Рыгора. Главный вход располагался на втором этаже, и от проспекта, проходящего по насыпи, к нему вёл мост, соединённый с длинной террасой вдоль

фасада здания. Террасу нёс на себе фасад цокольного этажа в форме полукруглых арок, а верхние этажи сплошь закрывались зеркальными ячейками, скрадывающими точное количество этажей. Под мостом находилась огороженная зелёным металлическим забором стоянка инкассаторских автобусов. Бодро-жёлтые автобусы тоже порадовали Рыгора – они недвусмысленно указывали на близость денежных пачек.

Рыгор пришёл на полчаса раньше договорённых десяти, чтобы понаблюдать, кто будет входить в банк, и заодно не спеша подкрепиться перед ограблением. Он расположился на поросшем травкой склоне неподалёку от моста, лицом ко входу в банк. Раскрыв сумку и покопавшись между автоматами и патронами, он достал пакет с овсяным печеньем и бутылку «Сябра», ещё хранящую прохладу. Несколько печений спустя он прилёг, опершись на правый локоть. Мелкие тревоги уже вымылись десятком глотков, и ничто не нарушало безмятежности. Рыгор откусывал сладкий хрустящий кусочек овсяного печенья, смачивал его горьковатой жидкостью, жевал, глотал, ждал Лявона и был совершенно счастлив.

Шли минуты, но в банк никто не заходил. Тем лучше, оптимистично рассуждал Рыгор, поглядывая на часы, будет меньше жертв. Но Лявона тоже всё не было и не было, и это постепенно начинало тревожить Рыгора, несмотря на лёгкий хмель. Доев печенье, он некоторое время развлекался, насвистывая Вагнера и дирижируя травинкой. «Лявон – он медленный. И вечно думает о своём. Наверное, плетётся где-то уже неподалёку и смотрит в облака. Сейчас придёт», – успокаивал себя Рыгор.

В половине одиннадцатого он не выдержал, встал и вышел на дорогу. Посмотрел в сторону центра, потом назад. Пусто. Прошёл по мостику к главному входу, прочёл вывески. Выяснилось, что Управление сегодня не работает, а Операционный зал помещается в цокольном этаже. Рыгор потянул на себя ручку зеркальной двери, и она действительно оказалась закрытой. Теперь отсутствие посетителей стало понятным. «Ну и хер с ним, с Управлением, бумажки всякие. Лучше Операционный зал – там и сейфы, и деньги».

Одиннадцать сорок пять. «Что за чёрт! За кого он меня держит?» Рыгор вернулся к сумке, потыкал в неё кроссовкой и задвинул в кусты. Прошёлся вдоль дороги, потом назад. Становилось душно, и Рыгор основательно взмок. По всей видимости, собирался дождь. На горизонте росли тучи, ещё далёкие, но уже внушающие беспокойство. «Если он появится к двенадцати, то мы успеем всё сделать и вернуться ко мне в гаражи до дождя».

Прошло и двенадцать.

Рыгор поставил окончательный срок появления Лявона – двадцать минут первого. Но что делать после этого крайнего срока, он пока не придумал. Грабить в одиночку? Возвращаться домой? Идти в баню? Всё выглядело глупо, и Рыгор сердился. Он как можно медленнее допил остатки пива и выкурил несколько сигарет, пуская в неподвижный воздух колечки, но и это не помогло – Лявон не шёл.

В половине первого Рыгор принял решение идти Лявону навстречу. Он замешкался на пару минут, думая, как поступить с сумкой. Тащить её с собой было бы тяжело, а оставлять здесь – опасно, вдруг кто-нибудь украдёт? Тем более в дороге обязательно захочется подкрепиться. Самым разумным ему показалось вынуть автоматы и спрятать их в кустах, а сумку взять с собой, тем самым убив двух зайцев. Рыгор завернул автоматы в белую футболку, которую он захватил в качестве сменного белья на случай пота или крови, и замаскировал свёрток на склоне, в кустах, под огромными листьями лопуха.

Забросив полегчавшую сумку за плечо, Рыгор быстрым шагом направился в сторону центра, прикидывая, каким путём может двигаться Лявон. Помнится, он говорил, что живёт у тётушки в Масюковщине, а быстрее всего туда добираться через улицы Гурского, Бельского и Жудро. Хотя конечно Лявон мог выбрать и другой путь, вроде просторного проспекта Пушкина или наоборот каких-нибудь закоулков. Чтобы не разминуться, рациональнее было бы остаться и ждать, но Рыгор не мог больше бездействовать.

Тут он спохватился, что надо бы оставить на месте встречи записку, на случай, если они всё же разминутся. Рыгор повернул назад к банку, думая, как написать записку, не имея ни ручки, ни бумаги. Попросить в банке? Нет, это уже похоже на комедию. Просить ручку, а потом грабить. Написать на земле прутиком? Такую надпись может смыть дождём. Наконец он нашёл способ: присел на корточки у начала моста, возле вазы с цветами и стал царапать на асфальте ключом от квартиры: «Лявон, жди меня здесь». Ему было неприятно портить асфальт, но выхода не оставалось. Сначала он хотел писать помельче, но камушки крошились, и буквы превращались в бесформенные пятна. Рыгор начал заново, более крупно, и с лёгким отвращением к себе дописал фразу.

Без четверти час. Рыгор зашагал в сторону Гурского, внимательно глядя по сторонам, чтобы не упустить ни тени Лявона. Он отвлёкся от улицы только один раз, заскочив на минуту в магазинчик за пивом. С пивом дорога пошла намного приятнее, и он уже не так сердился.

* * *

Дождь начался в половину второго и застал Рыгора неподалёку от роддома №2. Сначала Рыгор и не подумал останавливаться: воздух посвежел, несколько приятных прохладных капель упали на лицо. Но дождь стремительно усиливался и за минуту-другую превратился в настоящий ливень. Потемнело. Рыгор пробежал к железным воротам, за которыми начинался роддомовский сквер, и укрылся под ближайшим каштаном. Оперся плечом о ствол и потряхнул головой. С волос полетели брызги. Бабахнул гром. Дождь лил всё сильнее, и сухое пятно вокруг ствола уменьшалось, а листва понемногу наполнялась водой, переполнялась и переставала её сдерживать. Он посмотрел в сторону роддома: до него было около пятидесяти метров, десять секунд бега, зато над главным входом надёжно нависал широкий козырёк. Рыгор ещё раз окинул взглядом улицу, ища Лявона, и рванул.

Он оказался под козырьком уже насквозь промокшим. Но это было лучше, чем стоять и намочать пассивно и медленно. Рыгор пошевелил пальцами в кроссовках, там было сухо. Наклонился и стряхнул ладонью капли с волос. Постоял несколько минут, наблюдая, как вода на асфальте пузырится от ударов капель, и решил зайти внутрь. Может, там есть буфет с пирожными.

Отрываясь, дверь потянула язычок воздушного органчика, и он сыграл импровизацию из десятка нот, окончание которой заглушил шум дождя. Рыгор отметил, что надо будет раздобыть и себе такой органчик, и осмотрелся. Он находился в просторном, слабо освещённом вестибюле. Буфета не было, были только кресла вдоль стен и регистратура. Сухой и тёплый воздух роддома понравился ему, кажется, пахло чем-то приятным. Он сел в кресло в углу, у окна, и стал смотреть на дождь. Был виден край входной лестницы, асфальт с лужами и каштаны, из-под которых он убежал.

Тут из глубины регистратуры послышался звук отодвигаемого стула и шаги. Деревянная дверца отворилась, и оттуда вышел я, присматриваясь к Рыгору. Вестибюль освещался только окнами, и мне пришлось подойти совсем близко к нему, чтобы узнать.

– О-о! Пилип! – воскликнул Рыгор, тоже узнав меня, – Тебя-то как сюда занесло?

* * *

Я был слегка сутулым, хмурым бородатым брюнетом, в тёмно-синем рабочем халате и в сандалиях. С Рыгором мы случайно познакомились после бани, за бутылочкой пива, из-за нехватки места попав за один столик в баре. Помнится, мы с полчаса болтали о том о сём, не слишком друг друга заинтересовав и не найдя общих тем, но и не вызвав неприязни. При последующих встречах мы дружелюбно здоровались, обмениваясь парой фраз.

– Привет, – я вытер ладонь о полу фартука, и мы пожали друг другу руки, – Работаю здесь, уже почти год. Электриком. Здесь море всяких электрических приборов, и их время от времени надо чинить.

– Хорошо устроился! Одни каштаны чего стоят. Особенно когда цветут – здорово, а? Чем это у тебя пахнет?

– Да это канифоль. Вчера притащил со склада раритетный бобинник, пытаюсь запустить, но пока не удаётся. Представляешь, здесь в подвале целая гора старых магнитофонов! Есть даже ламповые, но я пока за них не брался. И откуда только? Там ещё целый шкаф с записями. Скорее всего, в старые времена роженицам ставили классику, чтоб способствовала. Пойдём, покажу, тебе должно быть интересно.

– Покажи! А я вот мимо проходил и от дождя под крышу спрятался. Договорились с приятелем у мединститута встретиться, а он всё не идёт и не идёт. Решил сам пойти ему навстречу, а тут дождь.

Мы прошли в регистратуру. Там я оборудовал себе рабочее место, облюбовав самый широкий стол и большой шкаф с ящиками для карточек, в которых я хранил мелкие запчасти, провода и радиодетали. На столе стоял огромный полуразобранный магнитофон, горела электрическая лампа, направленная на его внутренности, дымился паяльник.

– Бобины крутятся, а звука нет. Ещё не разобрался, в чём дело. Кажется, усилитель сгорел, причём сразу оба канала.

– Ну ничего, разберёшься! Где ты этот фартук откопал? Ты в нём со своей бородищей на монаха похож, – засмеялся Рыгор.

– Чтоб не пачкаться. Ты бы видел, какой был пыльный этот бобинник, когда я его выволок оттуда.

Я поднял с пола картонную коробку с бобинами и поставил её на соседний стол. Рыгор подошёл и стал перебирать записи, читая надписи на торцах.

– «Зимний путь», «Прекрасная мельничиха», «Лесная музыка», «Романсы Рахманинова»... Мда, всё понятно. «Любовь поэта», «Лебединая песня»... Зря стараешься, Пилип! Как ты это слушать потом будешь? Сплошные старинные песни. Бросай этот бобинник! Купи лучше обычный плеер, а я тебе нормальных дисков целый вагон отгрузу.

– Да я не очень-то в музыке разбираюсь, – пожал плечами я, – С удовольствием и песни послушаю. И вообще, дело не столько в музыке, столько в том, что мне просто нравится чинить магнитофоны. Если уж совсем честно говорить, то я только поэтому сюда и устроился.

Рыгор с брезгливым видом продолжал рыться в коробке. Наконец он нашёл что-то подходящее:

– Смотри-ка, «Песнь о земле» с Горенштейном! Как она сюда попала? Для рожениц мало подходит...

Он вытащил из коробки бобину в двойной синей упаковке и сел на стул, вертя её в руках. Спросил у меня, нет ли чего перекусить. Я предложил приготовить салатик или поджарить картошки, а для аппетита по пятьдесят граммов спирта перед едой – он хранился у меня для протирания контактов, и, по моим словам, был вполне съедобен. Но Рыгор отказался и от спирта, и от картошки, сославшись на нехватку времени. Он сказал, что имел в виду чипсы или пряники, их не нужно готовить. Я развёл руками.

Мы вышли в вестибюль посмотреть, не кончился ли дождь. Он заметно утих, и на асфальте уже не было пузырей, а только быстрые концентрические кружочки. Рыгор достал со своей сумки бутерброд с сыром и предложил мне, но я отказался. Пережёвывая хлеб, Рыгор задумался и напряжённо смотрел в окно, на парк.

– По-прежнему авторемонтом занимаешься? – поддержал я разговор, – И по-прежнему в баню по субботам?

– Да, всё та же хренотень... – рассеянно ответил он, думая о том, что каждая минута промедления всё более увеличивает возможность разминуться с Лявоном. – А ты чего в бане не появляешься? Вообще мыться перестал?

Я рассказал ему, что живу теперь здесь, при роддоме, в одной из небольших комнат для персонала. Перебрался. Уж очень неблизко было из Чижевки сюда на работу ходить. Зато сейчас в ту баню, любимую, стало далеко, хожу поближе, на улице Декабристов. Оно конечно не то, но тратить полдня на дорогу слишком утомительно. Рыгор покивал и наконец вполголоса высказал волнующее его:

– Где же мне теперь искать Лявона? Пока я здесь прятался, мы могли разминуться. Он парень странноватый, мог и под дождём идти.

– Лявона? Странноватый? Уж не тот ли это Лявон, который в прошлом году у меня практику проходил, студент? Я тогда ещё на телефонной станции работал.

Я описал Лявона, и Рыгор оживлённо подтвердил – это он!

– Не знаешь, как его найти?

– Он вроде говорил, что живёт на Жудро, у тётки. Учится в политехе, это точно, вот только не помню, на какой специальности. А зачем он тебе? Тоже оркестрами всякими увлекается?

– Да, вроде того.

– А зачем вам у мединститута вздумалось встречаться?

Рыгор отвечал невнятно и неохотно, и я тактично прекратил расспросы. Но тут Рыгор сам обмолвился о том, что два с половиной часа прождал Лявона. Я засмеялся и стал его уверять, что тот перепутал дни.

– Он ужасно рассеянный! Вот увидишь, потом окажется, что он ждал тебя или в пятницу, или в воскресенье. В первый же день практики опоздал на полдня и говорит – проспал. А однажды, помню, заснул в аппаратной, незаметно, и я случайно его закрыл, когда домой уходил. Прихожу утром, а он ещё спит, прикинь? В жизни таких сонных людей не встречал! Потом объяснил мне, что проснулся, выбраться не смог, и лёг спать снова. Но я ему не верю – скорее всего, он и не просыпался даже. Иначе мог бы позвонить, или даже через окно выбраться. Подумаешь, второй этаж.

Дождь кончался, и я снова подступился к Рыгору с уговорами остаться на обед. Поколебавшись ещё немного, Рыгор поддался. В самом деле, искать Лявона наугад не имело никакого смысла – он мог находиться где угодно.

На дворе просветлело, выглянуло солнце. Мы вернулись в регистратуру, и я начал методично прибираться: выключил паяльник, попрятал радиодетали по ящикам, набросил на расчленённый бобинник клеёнку.

– Зачем ты убираешь? Не лень потом будет всё назад доставать? Давай уже лучше стол накрывать, вот этот, например! Да не бойсь, мы ничего не поломаем, я смирный, – Рыгору не терпелось поесть.

– Люблю порядок. Если меня вдруг хватит удар, то всё будет на своих местах, – отвечал я.

Рыгор улыбнулся, сочтя мои слова шуткой. Оглядевшись по сторонам, он подошёл к книжной полке и, наклонив набок голову, стал читать надписи на корешках.

– Детективы, детективы... Прилично накопил! Ничего, кроме детективов, не читаешь? – он вытащил томик Чейза и взвесил в руке.

– А что ещё читать? Сентиментальное я не люблю, а классика скучновата, я пробовал, но на сон тянет. Динамики нет.

– Ну а приключения? Вот например «В дебрях Уссурийского края» – шикарная книга! Могу дать при случае.

Я неопределённо кивнул, как кивают, когда из вежливости не хотят отказываться прямо.

– А это что? – он сунул Чейза на место и потянул с полки коричневую общую тетрадку.

– Не надо это смотреть, поставь, – торопливо попросил я, касаясь его плеча.

– Да что там?

– Ну... это я балуюсь... Сам сочиняю рассказик.

– Вот это да! Творишь, значит! Недавно я с художником познакомился, а теперь ещё и ты. Тоже детективный, рассказ?

– Ага, – я застенчиво улыбнулся. – Потом дам почитать, если хорошо выйдет.

Наконец мы присели. Я достал из нижнего отделения картотеки двухлитровую пластиковую бутылку со спиртом и жёлтые керамические кружки, украшенные рисунками ракушек. Дунул в каждую, прогоняя пыль, и налил понемногу. Рыгор принял в руки кружку и с некоторым сомнением поворачивал её с разных сторон, рассматривая ракушки и трогая пальцем их выпуклый рисунок. Я уверил Рыгора в полной безопасности спирта для зрения, слуха и здоровья в целом, и показал пример. Рыгор посмотрел на меня и покачал головой. Он сказал, что не хочет пить спирт, поставил кружку на стол и подвинул её ко мне. Он сходил в вестибюль за своей сумкой, достал бутылку пива и выпил её одним глотком наполовину. Тряхнув головой от удовольствия, он потребовал обещанную картошку.

– Пошли! – я засмеялся и хлопнул его по колену. – Её сначала нужно накопать.

Рыгор поморщился и предложил сходить в магазин. Я тоже поморщился и высказал всё, что думаю о магазинной картошке и магазинных овощах. Самым убедительным оказался довод об ухудшении цвета лица при питании продуктами, возвращёнными на химических удобрениях. Рыгор пожал плечами и встал:

– И где ты этого набрался?.. Ладно, уговорил! Давай лопату. Я так хочу есть, что готов рыть до центра земли!

Мы прошли по коридору к чёрному ходу. Дверь была заперта на крючок, и я похвастал Рыгору, что сам согнул его из толстой стальной проволоки. Рыгор потрогал его и в знак высокой оценки выставил большой палец. Снаружи было солнечно, тепло и зелено. Мы вышли прямо в огород, который занимал всю землю от стен роддома до металлического забора, ограждающего детский садик.

– Детишки тебе грядки не топчут? – Рыгор щурился на солнце и поглаживал живот.

– Там сейчас пусто, в садике, все на каникулы разъехались. Лето. Видишь, где картошка? Во-он она!

Лавируя меж грядками, мы сначала подошли к парнику с огурцами, в котором я захватил лопату и зелёное эмалированное ведро. Рыгор тоже сунулся в парник, вдохнул тёплый влажный запах и порадовался молодым колючим огурцам. Он тут же сорвал один и стал с хрустом жевать, нахваливая сладость. Добравшись до грядок с картошкой, я велел Рыгору посмотреть, нет ли на листьях колорадских жуков, а сам вонзил лопату рядом с ближайшим кустом, надавил ногой и приподнял пласт влажной земли. Вынул несколько самых крупных клубней, потом проделал то же самое ещё с двумя кустами. Рыгор осматривался. Он спросил у меня, почему в одних местах картошка цветёт, а в других только всходит. Я объяснил ему, что сажаю её в разное время, и она созревает непрерывно, то на одной грядке, то на другой.

– Нашёл! – воскликнул тут Рыгор, – Вот он сидит, гад полосатый! Что с ним сделать?

– Для жуков у меня есть резервация. Вон там, у забора. Держу несколько кустов специально им на съедение, – я подошёл и стряхнул жука в ладонь. Рыгор удивлённо смотрел. – Жалко мне картошки, что ли? Пусть едят в своё удовольствие, и мне хватит, и им. Главное – не мешать друг другу.

Рыгор посмеялся и выразил одобрение моей политике.

– А не противно их вот так в руки брать?

– Что противного. Божью коровку держал в руках? То же самое, только те в крапинку, а эти в полоску.

Жук поджал лапки и притворился мёртвым. Я отнёс его к забору и махнул Рыгору рукой, чтобы подошёл. Рядом с колорадской территорией росла слива, кривая, суковатая, но изобильная. Слив было множество, таких спелых, что они даже лопались, показывая нежную жёлтую мякоть. Мы с Рыгором набрали полный подол моего фартука.

– Ну, что ещё нам может понадобиться?

– Как что? Сливы и пара картошек? И ты собрался меня накормить? – шутливо негодовал Рыгор. – Ну нет! Пригласил на обед – накрывай поляну по полной программе!

Пожелание Рыгора меня необыкновенно порадовало – всегда приятно, когда твои старания кому-то полезны и оценены. Мы прочесали весь огород, постепенно наполняя зелёное эмалированное ведро. Редис, зелёный салат, лук-порей, сладкий перец, укроп, маленькие баклажаны, острые усики чеснока. В парнике с помидорами Рыгор долго вдыхал аромат томатных стеблей и листьев, приговаривая, что это его любимый запах после запаха бензина. Жёлтые и красные помидоры, цветная капуста, тонкая молодая морковь, свекольная ботва и большой пучок щавеля.

* * *

Несколько часов подряд мы обедали, обосновавшись в комнате доврачебного осмотра, оборудованной водопроводом, раковиной, шкафчиком с посудой и электроплиткой. Я не спеша готовил, Рыгор ел, запивая пивом, а я тянул спирт с чёрной смородиной и смотрел, как он ест. Потом принимался за следующее блюдо. Рыгор и сам был бы не прочь состряпать что-нибудь, но не стал даже заикаться об этом, наблюдая за моими до странности методичными действиями. К примеру, нашинковав морковь, я сразу же мыл ножик, вытирал его полотенцем и клал точно на то же место, где он лежал изначально. Если на стол капало горячее масло, то я тут же вытирал пятно салфеткой и выбрасывал её в мусорный пакет. Рыгор сделал вывод, что я немного чудик, но безобидный. Было уютно. Понемногу Рыгор разговорился о своей жизни, стал рассказывать о ссорах с татой, о мечте купить квартиру, о бане, о работе. Я склонялся над электроплиткой, переворачивая на сковородке ломтики баклажанов и посыпая их тёртым чесноком, и слушал. В перерывах между блюдами мы ели сливы из зелёного пластмассового таза, и я мыл посуду.

– Что за пунктик у тебя такой? – не в силах больше сдерживаться, спросил Рыгор. – Потом посуду вымоешь! Расслабься, Филипп! Я могу всё из одной тарелки есть, ещё вкуснее будет. Мы же не в ресторане. Первый раз в жизни вижу такую любовь к порядку!

– Понимаешь, Рыгор, – язык у меня уже немного заплетался, – В моей жизни есть принцип. Думаю, что не открою тебе секрета, сказав, что все мы смертны. Более того, смерть может наступить в любой момент, не так ли?

– Ерунда! – счёл нужным не согласиться Рыгор, чтобы подогреть мои признания спором. – Вот мы сидим у тебя в регистратуре, и что с нами может случиться?

– Не будь таким наивным. Ты, к примеру, можешь поперхнуться сливой и задохнуться. А я могу оступиться и упасть, ударившись виском об угол стола. Или здание может обрушиться. Видишь ту трещину на стене? Ведь бывают такие случаи, когда здания рушатся. Так вот: полностью упорядочив свои дела и действия, я всегда готов к смерти. Она не может застать меня врасплох, ибо после меня в любой момент останется максимально возможный порядок.

– Бред какой-то, – Рыгор потряс головой и несколько мгновений даже не находил, что возразить. – Ну, во-первых, вероятность поперхнуться или удариться виском так мала, что на неё можно плюнуть!

– Да ну! По-твоему, люди не умирают? – я сделал многозначительную паузу. – Согласен, вероятность не слишком велика и находится в разумных пределах. Именно поэтому я не отказываюсь от действий полностью и даже строю на будущее некоторые планы. Например, выращиваю овощи.

– Ну, допустим. Но какое тебе вообще дело до того, порядок останется после твоей смерти или беспорядок? Тебя-то уже не будет! – воскликнул Рыгор, потрясая перед собой раскрытыми ладонями.

– Это вопрос чистоплотности. Мне отвратительно думать, что после меня останутся невымытые тарелки, например. Ты же ходишь в баню? Быть грязным отвратительно, так ведь? Вот и здесь то же самое.

Последнюю фразу я произнёс строго и наставительно. Рыгор не знал, что сказать, и мы выпили ещё. Я снова встал к плитке, чтобы заняться следующим блюдом, предложив Рыгору выбрать между драниками и голубцами с фасолевой начинкой. Он выбрал голубцы, и я взялся за капусту, но вскоре порезал палец, отрезая кочерыжку. Палец сильно кровоточил, и пришлось забинтовать его; на этом обед кончился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.